

Наталья Венгерова

МАЭСТРО

Нашептано бессмертными операми.

Вдохновлено судьбой великого чародея звуков.

Воплощено с глубоким почтением к гению маэстро Джузеппе Верди.

г. Москва
2023

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тусклые лучи еще не проснувшегося солнца лениво освещали пустую площадь Буссето. Воздух был полон провинциальной свежести и осенней прохлады. Как и на любой уважающей себя площади итальянского городка XIX века, аккуратно уложенные квадраты брусчатки обрамляли церковь, местный театр, здание администрации и несколько лавок особо удачливых торговцев. Сейчас казалось, стены, как и их хозяева, спали.

Через площадь, нарушая предрассветную тишину легкой поступью, шла Джузеппина Стреппони. Осанка выдавала в ней знатную особу, непоказная утонченность наряда без излишеств — даму со вкусом, а плотная вуаль, скрывавшая лицо, придавала образу таинственности. Напротив входа в городской театр она остановилась. Ее внимание привлекла афиша:

«03 сентября 1855 г. Открытие сезона.
«Риголетто», опера Джузеппе Верди».

Джузеппина приподняла вуаль. На ее красивом, напоминающем образы древнегреческих богинь лице отразились нежность и грусть, с какими матери смотрят на игрушки давно покинувших родной дом детей. Она

закрыла глаза и вновь очутилась на сцене Ла Скала, пятнадцать лет назад. Вечер премьеры первой оперы тогда никому не известного, а ныне великого Верди. Тогда она, звезда большой оперы, исполняла в этом дебюте главную партию. Джузеппине казалось, она слышит свой голос, поющий печальную песнь Леоноры в финальной сцене. Пятнадцать лет назад она пела. Пятнадцать лет назад она могла петь. Напыщенная публика нижних ярусов, восторженная толпа галерки — все смотрят только на нее. Все, кроме Верди. Он сидит на композиторском кресле рядом с оркестром, и его глаза зарыты, как ее сейчас. Чересчур строгое для двадцати четырех лет, харизматичное, властное лицо, заросшее густой черной бородой. Он полностью поглощен музыкой. Как ему идет фрак! Но вот последний аккорд. Занавес. Верди открывает глаза. Его взгляд обращен не к готовой вынести вердикт новичку публике, Верди смотрит на Джузеппину. Она навсегда запомнит эти несколько секунд тишины перед взрывом оваций. Нечто невозможное для объяснения словами стало тогда понятно им обоим. Однако в тот момент Джузеппина уже знала: его будущее было бутонем, которому суждено раскрыться во всем великолепии, а она жила в сверкающем на солнце мыльном пузыре, обреченном вскоре лопнуть.

Звук приближающихся шагов оборвал ход ее мыслей. В сторону театра по площади семенила пожилая пара

зажиточных горожан. Когда они подошли ближе, Джузеппина формально улыбнулась и приветственно кивнула, как сделал бы любой человек достойного воспитания. Посмотрев на нее с учительским высокомерием, дама продолжила свой путь, бестактно проигнорировав приветствие. Спутник дамы не удостоил синьорину Стреппони даже взглядом.

К такому отношению Джузеппина уже почти привыкла, и все же унижение жестоким осуждением общества не могло не ранить ее каждый раз, когда она с ним сталкивалась. Горько усмехнувшись, Джузеппина опустила вуаль и направилась к церкви на противоположной стороне площади, размышляя о том, было ли хоть что-то в прошедших пятнадцати годах, что она рискнула бы изменить, представься ей такая фантастическая возможность.

Началась же история, приведшая некогда звезду оперной сцены к участи осуждаемой всеми сельской жительницы, в далеком феврале 1839-го, почти за год до дебютной премьеры молодого и мало кому известного композитора Джузеппе Верди.

* * *

— Простите, синьора Верди, пришлось поменять обе набойки. Боюсь, с вас еще один талер.

— Ну что вы, конечно!

За девять месяцев до уже долгожданной, но пока еще даже не запланированной премьеры первой оперы своего мужа Маргарита Верди пыталась скрыть досаду, выжидая замерзшими пальцами монету из маленького потрепанного кошелька. Старый сапожник гордо поставил перед ней на прилавок пару начищенных, но явно повидавших многое на своем веку мужских ботинок.

— Сияют как новые! — довольный результатом своей работы, просипел он.

— И правда, замечательно! Спасибо, синьор Лоренцо.

Прижав мешок с полученной обувью к груди, как дитя, и попытавшись получше укутаться в не по сезону легкое пальтецо, Маргарита вышла из лавки сапожника. Февраль в Милане выдался на редкость скверным. Бесконечная суета перегруженных улиц непрерывно месила ледяную жижу под ногами, сырость сводила с ума, а небо, похоже, не собиралось пустить к земле ни одного луча солнца.

Маргарита почти вприпрыжку пробиралась сквозь поток прохожих, то и дело задевавших ее плечами. На ее юном бледном лице одновременно читались энтузиазм и усталость. Ей было от чего устать в свои неполные двадцать три года. Меньше шести месяцев назад она потеряла дочь. Если бы не младший сын, которому на тот момент было всего пять недель от роду, Маргарита вряд ли пережила бы эту потерю. Потом был переезд из Буссето. Из уютного родительского особняка в тихой провинции она

попала в обшарпанную маленькую квартирку посреди шумного муравейника большого города. В ее каморках все дышало бедностью и неблагополучием, чувствовать себя здесь комфортно могли бы разве что крысы. Амбициозные планы мужа пока не увенчались успехом, а потому уже несколько месяцев они еле сводили концы с концами, но он отчаянно боролся за свои мечты, так что о возвращении домой не хотел и слышать. Да, Маргарита устала. Но она любила своего мужа, любила, как ей казалось, всю свою жизнь. И всю свою жизнь верила в него.

Правда, это было не совсем так. Антонио Барецци, отец Маргариты, привел в дом неуклюжего худого мальчишку из загородного захолустья, когда ей было шесть лет. Мальчик был на пару лет старше ее. Он показался ей странным. Молчаливый, когда говорил, он был учтив, но почему-то звучал немного грубо. Все время пребывал в задумчивости и барабанил пальцами по лбу, как будто выбивал на нем аккорды. Руки у него были в ссадинах, как у работяги. Отец собрал семью в гостиной и усадил мальчика за рояль. Когда тот начал играть, домочадцы пришли в ошеломляющий восторг, а скоро уже весь Буссето гордился юным дарованием. Верди часто бывал в их доме и был обожаем синьором Антонио, который взял над ним практически полную опеку. Никто не сомневался в том, что Барецци видел в Джузеппе сына, так и не подаренного ему супругой, а искреннее восхищение музыкальным талантом

мальчика подогревало теплые чувства. Маргарита же относилась к Джузеппе с опаской. Было что-то тревожащее в его зажато-сдержанной манере поведения.

Ей казалось, что он похож на выброшенного на улицу котенка, который боится даже дышать, чтобы не привлечь ненужного внимания, но готов в любой момент выпустить когти и зашипеть. Правда, слушать, как он играет, ей нравилось очень. И очень нравилось с ним петь. Отец Маргариты, успешный торговец, ни в чем не знавший нужды, был человеком не только предприимчивым, но и тонким. Ему нужно было испытывать во что-то влюбленность, и музыка стала его главной страстью. Дочерям он дал достойное музыкальное образование, и Маргарита часто выступала под аккомпанемент Верди, исполняя романсы на семейных вечерах.

К восемнадцати годам Джузеппе Верди был уже признанной звездой и знаменитым композитором своего города. Он писал для филармонического оркестра и давал концерты, собиравшие на площади весь город. Тогда же отец Маргариты не только позволил Джузеппе жить в их доме, но и доверил ему музыкальное образование дочери. Синьор Барецци и представить себе не мог, что угловатый, застенчивый, никогда не проявлявший ни к чему, кроме музыки, интереса паренек может иметь и уж тем более осмелится проявить романтические чувства к его дочери. Джузеппе не только осме-

лился, но и преуспел. Спустя три месяца еженедельных занятий мысли Маргариты были всецело захвачены музыкальным гением своего учителя. А еще через пару недель Барецци застал неосторожных молодых людей на месте преступления, а именно: слившимися в страстном поцелуе прямо во время урока. Однако отцовского гнева не последовало. Отметив, что ухажеры его дочери обязаны иметь, как минимум, должное образование, Барецци отослал Верди в Милан поступать в консерваторию. Маргарите же было поручено за время отсутствия возлюбленного разобраться в своих чувствах. Но что может быть слаще и романтичней для юной девы, чем предвкушение возвращения своего гениального возлюбленного! Через пару лет, так и не поступив в консерваторию, Верди вернулся из Милана и незамедлительно обвенчался с Маргаритой Барецци.

И вот теперь, три года спустя, муж опять покорял Милан, а она, не обращая внимания на холод и тяжесть в ногах, спешила домой, переполненная ничем не обоснованным предвкушением хороших новостей.

Навстречу ей в плотном людском потоке шел милостивый юноша с большим тюком из мешковины на плече. Ему оставалось буквально двадцать шагов до Маргариты, когда он резким движением скинул тюк с плеча. Еще один сильный, несколько театральный рывок, и из сумы в небо вылетел вихрь листовок.

— Да здравствует Италия!!! — прокричал он.

На мгновение улица в неожиданности стихла и замерла, наблюдая за кружащим в небе бумажным листопадом.

— Эй!!! — Группа австрийских полицейских, патрулировавших улицу, отреагировала незамедлительно.

Парень пустился бежать. Пробегая мимо Маргариты, он случайно задел ее, обернулся и как бы в качестве извинений подмигнул ей с задорной улыбкой. Она перевела ошарашенный взгляд с парня на листовку, опустившуюся у ее ног:

**«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИТАЛИЯ!
ДОЛОЙ АВСТРИЙСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ!
ОСВОБОДИТЕ НАШУ ЗЕМЛЮ!»**

Секунду спустя листовка уже была втоптана в грязь сапогом австрийского офицера, преследовавшего нарушителя суетливого покоя улицы. А еще через несколько секунд маленькая погоня свернула за угол дома, и городская публика как ни в чем не бывало вернулась к своим делам.

— Отважно и нелепо, — пробормотала Маргарита, оглядывая растворяющиеся в грязных лужах мостовой революционные лозунги.

Освободительное движение Италии, или как его красиво называли — Рисорджименто, тридцатых годов XIX столетия действительно было отчаянно отважным

и совершенно нелепым. Апеннинский полуостров был раздроблен и разделен между австрийскими правящими домами. К слову, прибывшие из Буссето супруги Верди считались в столице музыки иностранцами, поскольку герцогство Парма и Миланское королевство являлись отдельными государствами. Австрийское господство в каждом из таких государств было незыблемым, цензура и полицейский произвол всесильными, а измотанный за пару сотен лет предшествовавшими французским и испанским гнетом народ уже не помнил, что может быть иначе. У подпольных оппозиционных организаций еще не было ни четкого плана действий, ни возможностей для объединения усилий. А потому революционные начинания имели вид либо мелких уличных беспорядков, либо частных выходов, по типу той, что изобразил только что юноша, закидав мостовую никому не нужными листовками. В любом случае, все подобные действия были заведомо обречены на провал. И все же напряжение росло. На разобщенной итальянской земле уже не осталось семьи, один из членов которой не оказался бы в австрийской тюрьме или не был бы вынужден скрываться от полиции.

Вздыхнув, Маргарита двинулась дальше. Пока она добиралась до дома, ее муж ходил кругами по комнате своей маленькой квартирке, окруженный клубами сигарного дыма. Покрывшиеся от сырости и возраста

пятнами тусклые обои с безвкусными лиловыми цветочками, бордовые пыльные шторы, низкий потолок. В углу старенький спинет, заваленный горой нотных листов, и табурет с порванной обивкой. Два потертых кресла в другом углу и слегка покосившийся сервант напротив окна. Уютной эту каморку не смогла бы сделать даже самая искусная хозяйка.

Перебирая пальцами по лбу аккорды в такт собственным шагам, Джузеппе тоже размышлял о том, насколько он устал. Устал чувствовать себя никем, это чувство уже до боли сдавливало горло по ночам. Устал от разговоров о своей чрезмерной амбициозности, которая привела его от сытой жизни к бедственному положению. Устал от непроглядной нужды и укоров родителей, которым он никак и ничем не мог помочь. Устал от отблесков изнеможения в глазах своей жены, которые она так усердно скрывала. Мечта, к которой он шел с раннего детства, вот-вот была готова стать реальностью, а он чувствовал себя как пловец, который видит желанный берег, но силы покидают его, и он начинает тонуть.

Раннее детство Джузеппе провел в пригородном трактире своего отца, Карло Верди, и ненавидел нищету всей душой. Все казалось ему унижительным: и многочасовой, ежедневный, изнуряющий труд; и изношенная до дыр одежда; и удручающая возможность позволить себе съесть что-то по-настоящему вкусное только на празд-

ник. Будучи шестилетним мальчишкой Джузеппе собирал грязную посуду со столов и наблюдал за убогим досугом посетителей, к которым частенько «на кружечку другую» присоединялся его отец. Он смотрел на развалившиеся на стульях бесформенные тела мужчин, на потерявших всякую красоту раскрасневшихся женщин и не мог принять послушного спокойствия, с которым все они на такую жизнь соглашались.

Конечно, они роптали на невзгоды и тяготы, но этот ропот напоминал Джузеппе соревновательные выступления, победителем в которых объявлялся тот, кто сумеет доказать, что с ним жизнь обходилась более жестоко, чем с другими. Мужчины одобрительно хлопали победившего по плечу, женщины смотрели на него с материнским состраданием, а отец предлагал чего-нибудь горячительного за счет заведения. Никто и не думал о том, чтобы дать себе шанс вынырнуть из вязкой рутины жалкого существования.

— Не все испытания, сынок, преодолимы, — только это и промолвил, вздохнув, отец, когда Джузеппе поделился с ним своим недоумением.

На следующий вечер Джузеппе смотрел на привычных глазу посетителей трактира и пытался угадать, что именно заставило каждого из них сдаться. *«Я никогда не сдамся. Никогда, никогда! Моя жизнь будет такой, как хочу я!»* — думал он.

Как он хочет, Джузеппе пока точно не знал, но сколько он себя помнил, слышал музыку всегда и везде. Возможно, это и было причиной его хронической молчаливости. Он постоянно прислушивался. И то, что он слышал, было ему куда интереснее, чем любые разговоры.

Карло Верди часто делал закупки для трактира в магазине того самого Антонио Барецци, которому предстояло стать тестем и покровителем будущего великого композитора. На тот момент синьор Барецци уже руководил филармоническим оркестром, а его лавка странным образом совмещала в себе и магазин, и музыкальный салон, и репетиционный зал. Джузеппе старался не пропускать ни одной поездки отца, ведь у дальней стены прямо в лавке стоял старенький спинет. Дорога от трактира до магазина Барецци занимала минут сорок, и все это время маленький Джузеппе молчал, давая шанс каждому звуку, что улавливал его слух. Шелест травы, стук колес, крик журавля, фыркание лошади, скрип телеги, свист хлыста, ручей, лягушки, пчелы... Все это становилось мелодией, которая звучала в его голове к приезду в лавку и настойчиво просилась наружу. Лишь только телега отца останавливалась, Джузеппе спрыгивал, бежал к инструменту и проводил там все время до отъезда домой. Он закрывал глаза, нажимал на клавишу и звук струны сам диктовал, какую ноту ему нажать следом. Конечно же, такое не могло остаться незамеченным. Барецци был совершенно

очарован дарованием мальчика, и решил всерьез заняться его музыкальным образованием.

От человека такого сорта, как Карло Верди, можно было бы ожидать упорного нежелания поддерживать музыкальные увлечения сына. Мир полон талантов, искалеченных родительским требованием сосредоточиться не на мечтах, а на куске хлеба. Однако Карло дал своему мальчику шанс, не только позволив Джузеппе заниматься музыкой, но и фактически отпустив его под опеку состоятельного Барецци.

Джузеппе попал в мир зажиточной провинции. В мир, в котором его впервые посетило пьянящее и всеобъемлющее желание самоутвердиться. Дети здесь не должны были работать, простыни вкусно пахли, есть можно было столько, сколько хочется, а разговоры велись не о тяготах, а о музыке и поэзии. Можно ли было мечтать о большем?! Приезжая домой на выходные, будущий убежденный атеист Джузеппе Верди неистово молился лишь о том, чтобы стать главным композитором города Буссето, никогда больше не возвращаться в ненавистный трактир и забрать оттуда своих папу и маму.

И Господь услышал его молитвы. Довольно скоро о юном музыкальном даровании заговорил весь город. Мальчик много учился и еще больше читал. Обучение же музыке продвигалось настолько быстро, что в девять лет Джузеппе Верди занял должность церковного органиста.

Поглазеть на чудо-ребенка за органом съезжались из всех окрестных деревень. В одиннадцать он впервые осмелился показать свое произведение Антонио Барецци.

— Этот романс я услышал, когда помогал матери кормить шелковичных червей, — зачем-то проговорил он и тут же запнулся. Как же глупо это прозвучало.

— А слова? — с любопытством спросил синьор Антонио, оставив червей без внимания.

— Я взял их из песенника Франческо Петрарки.

Через несколько дней произведение, нашептанное шелковичными червями, уже звучало на званом ужине в доме Барецци и было встречено бурными аплодисментами. Исполняла романс Маргарита. Верди нравился ее голос, а еще ее шуршащее кружевом платье издавало очень приятный звук. И она всегда вкусно пахла миндальным печеньем. С каждым годом количество романсов, написанных лишь для того, чтобы их спела Маргарита, росло, как и количество слушателей, готовых встретить их бурными овациями. А потом случился тот самый поцелуй, который изменил все.

Мечты о должности главного композитора Буссето оказались до стыдного примитивны и мизерны, как только Джузеппе впервые попал в Ла Скала. Теперь он точно знал, какой город должен завоевать. Однако Господь, который благоволил ему в родной Парме, похоже, был не в восторге от его планов на Милан. Сначала напы-

щенные, больше похожие на чиновников, чем на творческих людей престарелые члены приемной комиссии не увидели в провинциальном юнце достаточного таланта и не приняли его в Миланскую консерваторию. Это уважаемое учебное заведение еще будет с гордостью носить имя Джузеппе Верди, а в далеком 1832 году будущий композитор получил первый в жизни большой удар по самолюбию. Однако любящий, или предусмотрительный, будущий тесть не позволил Верди вернуться домой, а оставил его в Милане, оплатив частные уроки одного из лучших учителей большого города. Верди провел счастливейшие два года в кропотливом труде, учебе, написании набросков своей первой оперы и не дававших ему уснуть мечтах о рукоплещущей публике.

Непревзойденная ирония состоит в том, что следующим ударом судьбы стала сбывшаяся, но уже такая ненужная мечта. В Буссето освободилось место директора Филармонического общества, и Карло Верди, в котором все же «победил кусок хлеба», чуть ли не силой привез сына обратно в родной город. Джузеппе вновь вернулся в мир, в котором так хотел утвердиться. Он вернулся победителем и какое-то время искренне пытался этой победой утомонить свои амбиции. Прекрасный новый дом, красавица жена, концерты, овации, уважение всего города — все это с каждым днем становилось все преснее, и через пару лет уже никакие аргументы в пользу собственной

важности для города и семьи не могли заглушить ощущения никчемности происходящего. Почти каждую ночь он спускался из спальни в гостиную, зажигал свечу, брал партитуру оперы, которую написал еще в Милане, перелистывал, вносил правки, и сердце его сжималось от тоски.

Случившийся третий удар был таковым, какого обычно не желают даже злейшему врагу. Энцефалит беспощадно отобрал у супругов Верди годовалую дочь. К унылому разочарованию прибавилась разрывающая душу боль утраты. Джузеппе и сам не понял, почему именно эта боль дала ему решимости рискнуть всем.

Забрав жену и грудного сына, оставив должность и жалование, выслушав лавинообразный поток упреков и предостережений, он уехал в тот город, который мечтал покорить. Единственным, кто это решение, пусть без энтузиазма, поддержал, был Антонио Барецци.

В музыкальном мире Милана Верди, как он ни старался, отказывались воспринимать всерьез. Все его заслуги в Буссето встречали лишь снисходительные улыбки. И жизнь Джузеппе опять наполнилась унижением. Попытки заставить хоть кого-то снизить до прослушивания его оперы были не менее изнурительны, чем многочасовой ежедневный труд в трактире. Экономить приходилось даже на нуждах сына, и все равно месяц за месяцем Джузеппе возвращался к тестю с очередной просьбой о денежной помощи.

Да, Джузеппе устал. Но он верил в свою оперу. И похоже, судьба наконец-то готова была дать ему шанс.

Клубы сигарного дыма, сквозь которые шагал по своей убогой гостиной Верди, с видом мастера этого дела пускал Темистокле Солера (для друзей — просто Теми), уютно устроившийся на одном из кресел в углу комнаты. Мушкетерская борода и усы удачно шли насмешливым глазам развратника и транжиры, а склонность к полноте добавляла простодушия его подчеркнuto ухоженному лицу. В отличие от Верди, он был элегантно одет и производил впечатление вполне состоятельного молодого человека. Будучи сыном революционера, заключенного в 1812 году под стражу в крепость Шпильберг, Темистокле еще ребенком по велению Франца Йозефа I был послан в школу Марии Терезии в Вене, откуда благополучно сбежал, не отучившись и полугода. После этого в его биографии наблюдается небольшой пробел. Зато известно, что юношей он присоединился к бродячему цирку, где, как поговаривали, у юнца был роман со зрелой директрисой труппы. Как и большинство подобных историй, долго и счастливо она не длилась. В возрасте двадцати лет Солера впервые ступил на мостовую Милана, преисполненный решимости построить карьеру поэта и либреттиста. С тех пор Темистокле уже четыре года безуспешно покорял неприступный музыкальный мир Милана, ни одного заказа на оперу так и не получил, зато умудрился обза-

вестись связями в высших кругах театрального общества и благосклонностью нескольких очень влиятельных дам. Велика вероятность, что именно эта благосклонность и дала Темистокле возможность напечатать шесть поэм, которые были довольно радушно приняты публикой, позволили ему закрыть накопленные за несколько лет долги и даже немного заработать.

Темистокле и Джузеппе познакомились во время первого приезда Джузеппе в Милан, и это был тот редкий случай, когда два совершенно несхожих персонажа и темперамента сошлись в полнейшем взаимопонимании. Они разделяли музыкальные и поэтические вкусы, политические взгляды, ненависть к австрийцам, а главное — очень похоже рисовали самые сладкие из своих амбиций и пути к их достижению. Идея написать совместную оперу родилась у них почти сразу. Чрезмерно резкий и эмоциональный нрав начинающего композитора разбивался вдребезги о добродушное спокойствие и чувство юмора молодого поэта, а объединявшая обоих готовность посвятить себя работе без остатка упрочила творческий союз. «Оберто, граф ди Сан-Бонифачо» — дебютная опера композитора Джузеппе Верди и либреттиста Темистокле Солера и стала плодом этого союза.

Спустя долгие месяцы череды неудач, Солера, как ему казалось, нашел новый путь к постановке долгожданной премьеры, о чем с энтузиазмом и рассказывал другу:

— Куртизанка Ла Скала! Голос и красота Стреппони божественны, сегодня убедишься сам. Но ее любовные похождения обсуждаются ничуть не меньше. Будь осторожен!

Верди ответил на это несколько раздраженным взглядом. Солера хохотнул и с хитрым прищуром пустил по комнате очередную серию колец из дыма.

— Мой долг тебя предупредить! Держа ее лишь для себя, наш могучий импресарио Мерелли охраняет ее, как дракон принцессу в замке, но она продолжает разбивать мужские сердца. Теперь уже своей неприступностью.

— Прекрати, пожалуйста, — отрезал Джузеппе. Солера вдруг стал совершенно серьезен.

— Я хочу услышать свои речитативы с этой сцены не меньше, чем ты — звучание своих каденций, Джузеппе. Влияние Стреппони на власть имущих вельмож Милана стало притчей во языцех. Если она пожелает, держу пари, способ убедить Мерелли поставить нашего «Оберто» в Ла Скала будет найден. Я умолял, и она милостиво согласилась принять тебя завтра в десять. — Солера поежился на кресле и смерил Джузеппе критичным взглядом: — И не сочти меня грубым, но позволь я одолжу тебе свой костюм.

Хлопнула дверь, и из коридора послышался голос Маргариты:

— Джузеппе, я дома!

В тот же вечер Маргарита, Джузеппе и Теми Солера отправились в Ла Скала. Темистокле достал для друзей билеты на «Норму» Винченцо Беллини. Главную партию исполняла Джузеппина Стреппони — та самая куртизанка Ла Скала и без преувеличения драгоценнейший из бриллиантов Итальянской оперы. Величайшие композиторы своего времени боролись за ее участие в своих постановках. Уверяли, что сам непревзойденный Россини рукоплескал ей стоя. Голос ее обладал уникальной для сопрано бархатной глубиной. Будучи дочерью не очень успешного, но до крайности увлеченного своим делом композитора, она унаследовала от отца тонкую чувствительность к музыке. Удачно дополненные незаурядным актерским талантом и очаровательной внешностью эти качества не оставили ни большой публике, ни узкому кругу знатоков ни единого шанса на равнодушие. Стреппони обожали все. Пожалуй, кроме завистников, которых у нее, разумеется, было немало. Да и те ее обожали, просто не вслух.

Когда Джузеппина исполняла «Каста Дива», прекраснейшую из арий всех времен, Маргарита взглянула на Верди. В его глазах не было и тени восхищения. Он пристально смотрел на сцену в невероятном напряжении. Лицо его было скорее суровым, чем одухотворенным, но Маргарита знала: сейчас он выуживает ноты из звуков ее голоса и, как бисер, нанизывает их на партитуру своей оперы. Он принимает решение, насколько неверо-

ятной красоты сопрано, звучащее со сцены, и его Леонора из «Оберто» подходят друг другу. Часть либретто уходит на октаву выше, драматизм усиливается, Верди расплывается в довольной улыбке. Маргарита поняла: ее милый гений вынес положительный вердикт. Она взяла Верди за руку и взглянула на Темистокле. Тот смотрел на нее и улыбался. Похоже, он тоже уже умел понимать Джузеппе без слов.

Выходили из театра все трое в прекрасном настроении. Маргарита шагала между двух друзей, держа их под руки, и широко улыбалась людной площади. Поток покидающей театр публики, теснясь, просачивался за парадные двери и не думал редеть, а у служебного входа уже собралась толпа ожидавших появления дивы поклонников. Площадь гудела, мерцали фонари, с неба сыпался едва заметный морозящий дождь.

Верди прислушался к окружавшему его городскому шуму. Стук каблуков, потрескивание фонаря, беспечный смех девушки, звяканье ключей на поясе у сторожа, отголоски болтовни людей, стекающие в канализацию капли... Все звуки медленно слились в странную, но отчетливую мелодию, которой он искренне наслаждался в течение нескольких мгновений. Но мерную волну прохожих прорезала колонна австрийских полицейских, ведущая шестерых арестованных через площадь, и зловещие темные аккорды ворвались в его музыку. Узники очень молоды,

половина из них подростки. Глаза Верди наполнились гневом, и звуки площади уже почти заглушил вихрь воинственных оркестровых аккордов у него в голове.

— Превосходно, теперь они вяжут и детей! — раздался где-то за скрипичными пассажами голос Темистокле.

— Говори тише, Теми, — там же вдали ответил голос Маргариты.

Маргарита вздрогнула. Среди взятых под арест утрюмо шагал парень, которого она этим утром видела с листовками. Он тоже узнал ее, ответил на ее взгляд и подмигнул ей с улыбкой. На этот раз уже не слишком задорно. Взяв себя в руки, Маргарита потянула застывших Верди и Солеру под локти, и они продолжили свой путь.

— Теми, дорогой, спасибо тебе огромное! Мы получили невероятное удовольствие! — голос Маргариты все еще звучал где-то далеко, за музыкой, бушующей в голове Верди.

— Не правда ли, Джузеппе? — это было уже достаточно громко, чтобы разрушить волшебство. Верди скорчил гримасу. Его всегда раздражало, когда музыку прерывали.

— В третьей сцене второго акта флейта всегда запаздывала. В пятой сцене дирижер постоянно не попадал в такт, размахивая руками, как ветряная мельница. И я бы уволил контрабас...

Под натиском взглядов своих спутников ему пришлось ретироваться:

— Ради приличия вынужден признать, что все отмеченное выше можно легко простить за волшебство голоса синьорины Стреппони, — закончил он.

Маргарита и Темистокле обменялись многозначительными взглядами, и все трое продолжили свой путь.

Толпа, поджидавшая у служебного входа в театр, взорвалась воплями восторга. Поклонники пришли в неистовство при виде Джузеппины Стреппони, степенно направляющейся от здания к карете. Аплодисменты, цветы, комплименты. Она великолепна, ее наряд сверкает роскошью, ее улыбка обворожительна.

Но стоило дверце кареты закрыть Джузеппину от посторонних глаз, и лицо ее мгновенно изменилось. Радость сменили усталость и мрачность. Карета тронулась с места. Она сделала глубокий вдох, прикрывая шею руками. Ей было больно глотать, из ее груди вырвался стон.

Через несколько секунд карета снова остановилась. Дверь открылась, в экипаж забрался седовласый худощавый мужчина лет пятидесяти и сел напротив Джузеппины. Одет он был вполне на джентльменский манер, но не очень богато. Добрые голубые глаза на вытянутом лице странно диссонировали с тонкой линией рта, изогнутой в чрезмерной асимметрии. Это был секретарь и помощник Джузеппины, приставленный к ней по настоянию Мерелли, того самого, который, со слов Солеры, охра-

нял ее, как принцессу в замке. Приставлен он был, как догадывалась Джузеппина, не только в помощь, но и для слежки. Так или иначе, работу он свою выполнял кропотливо и достойно. Звали его Саверио, фамилия Джузеппину никогда не интересовала.

Когда Саверио открыл дверцу кареты, облик Джузеппины вновь поменялся. Никто бы не заподозрил, что у нее что-то болит. Ее руки лежали на коленях, а лицо не выражало ничего, кроме спокойствия. Холодно и формально поприветствовав Саверио, она устремила взгляд в окно. Карета вновь покатила по мостовой.

— Осмелюсь заметить, выступление было великолепно! — учтиво и искренне произнес Саверио.

Комплимент остался незамеченным, Джузеппина задумчиво следила за меняющимся пейзажем в окне.

— Завтра? — произнесла она.

— Знакомство с юным композитором Верди в десять. После этого синьор Ланари ждет вас на обед. Репетиция перенесена на четыре. И синьор Мерелли шлет свои извинения. Он совершенно опустошен тем, что не сможет увидеть вас раньше пятницы.

— Кто он, этот Верди? Солера утверждает, что он гений, которому суждено сиять ярче могущественного Россини.

Саверио хорошо знал свою госпожу и был готов к вопросу. О Верди он разузнал все, что мог, как только его имя появилось в расписании синьорины.

— Сын трактирщика из Буссето, — начал он. Джузеппина наконец удостоила секретаря взглядом. В глазах ее читалось искреннее удивление. Довольный ее реакцией Саверио улыбнулся и продолжил:

— Судя по всему, довольно талантлив. Официальный оплачиваемый органист своего города в возрасте восьми лет! А к двадцати годам он уже стал директором Филармонического общества Буссето. Счастливо или мудро женат на дочери своего покровителя.

— Покровителя? — ее удивление сменилось сарказмом.

— Антонио Барецци, успешный оптовый бакалейщик и маниакальный любитель музыки. Он взял на себя опеку над Верди с раннего детства, оплачивал его образование и, говорят, до сих пор покрывает его расходы.

Джузеппина утомленно вздохнула и вновь повернулась к окну.

— Сын трактирщика из Буссето... Я предполагаю, что синьор Верди не должен злоупотребить более чем двадцатью минутами моего времени, — промолвила она. Саверио кивнул, задачу он понял. Остаток пути до дома они провели в тишине. Синьорина Стреппони не любила ненужной болтовни, Саверио знал и это.

На Милан опустилась ночь. В те времена большие города еще умели спать, и ночь приносила с собой покой и тишину, давая горожанам такую долгожданную к вечеру передышку. Но Джузеппе Верди уснуть не мог.

В отблесках свечи он сидел в своей крошечной гостиной, накинув пиджак на ночную рубашку, и перебирал клавиши спинета. Он не нажимал их достаточно, чтобы запела струна, но прекрасно слышал, какой звук родился бы из-под его пальцев. Джузеппе закрыл глаза, и только для него комната наполнилась щемяще трогательным дуэтом скрипки и фортепиано. Еще один пассаж, и флейты вступили трелью испуганных птиц. Мелодия дышала вместе с ним, и он уже не чувствовал своего тела. Вступление духовых, его сердце бьется в ритм с аккордами, но не оркестр подчинен пульсу — музыка диктует темп сердцу.

Дверь за его спиной со скрипом приоткрылась. Джузеппе этого не услышал. Кутаясь в ночной халат, в комнату вошла заспанная Маргарита. Для нее тишину ночи нарушало только потрескивание пламени свечи, дрожащего под прерывистым дыханием мужа. Но она знала: сейчас там, в его внутреннем мире, творится волшебство. Несмотря на то что ей никогда не будет дано это волшебство услышать и почувствовать, она всегда испытывала к нему благоговейный трепет. И все же сейчас его стоило прервать.

Маргарита тихо подошла сзади к мужу и положила руки ему на плечи. Он продолжал свой беззвучный концерт. Ничто не выдавало того, что он почувствовал ее прикосновение.

— Я уверена, она будет в восторге, — проговорила Маргарита.

Джузеппе вздрогнул, вскинул руки и вздохнул с раздражением. Звуки оркестра растворились в тишине и волшебство вместе с ними.

— Ты слышал ее. Она чувствует музыку сердцем. Твоя опера на языке сердец говорит. Они обречены понравиться друг другу, — Маргарита провела рукой по волне иссиня-черных волос мужа.

Раздражение сменилось нежностью на лице Джузеппе. Развернувшись на заскрипевшем табурете, он обнял жену и зарылся лицом в складки ее ночного платья. Она обвила руками его голову.

— Это шанс покончить с омерзительной и бесконечной борьбой с бедностью, Герита, — почти прошептал он.

— И ты его не упустишь. А теперь иди спать, тебе нужно отдохнуть, — ответила она.

Через час послушавшийся жену молодой композитор Верди мирно спал в своей постели. В эркере с двустворчатым окном его спальни стояла колыбель. В ней сладко посапывал шестимесячный ангел. На его чепчике искусной рукой было вышито: *«Ичилио Романо Верди»*. Маргарита сидела укрытая пледом в плетеном кресле-качалке рядом с колыбелью. В ее руках был очень похожий детский чепец. Она ласкала кончиками пальцев вышитые на нем тем же манером *«Вирджиния Мария Верди»*. Маргарита

плакала. Плакала горько, но беззвучно, чтобы не разбудить мужа.

На следующее утро, ровно в десять, как и было назначено, Джузеппе Верди стоял в шикарно обставленной просторной гостиной апартаментов Джузеппины Стреппони. В руке он крепко сжимал папку с партитурой своей первой оперы. Джузеппина приветствовала его безупречной в очаровательной дружелюбности улыбкой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Синьорина Стреппони, мое почтение. Я безмерно благодарен за то, что вы смогли уделить мне время, — Верди, насколько мог, элегантно поклонился.

— Рада нашему знакомству, синьор Верди. Говорят, ваша музыка заслуживает внимания.

Джузеппина невольно улыбнулась, наблюдая, как худой неловкий молодой человек в неказистом потертом черном сюртуке (костюм у Темистокле он так и не одолжил) пытался скрыть неуверенность за чрезмерно выпрямленной спиной и излишне серьезным выражением лица.

— Ваша первая опера? — произнесла она, кивнув на папку в руках Джузеппе.

— Первая, синьорина, — подтвердил он.

Верди чувствовал себя пьяным. Все в этой комнате, даже едва уловимый изысканный и утонченный цветочный аромат, было олицетворением той жизни, к которой он неудержимо стремился и внутри которой оказался впервые. Сердце его столь бешено колотилось, что почти все силы уходили только на то, чтобы это скрыть. В таких домах ему бывать еще не приходилось, как и находиться в одной комнате с такой особой, как синьорина Стреппони. Безупречная грация, подлинный аристократизм. От взгляда и поворота головы до элегантного узора, выши-

того на атласной ленте, обнимающей талию. Джузеппина была на два года младше Верди, но он чувствовал себя сельским неотесанным мальчишкой рядом со знатной дамой. Единственным, что выбивалось из общей картины королевской роскоши, был простенький браслет из речного жемчуга на ее запястье. Верди и сам удивился, что обратил на него внимание.

— Довольно амбициозное решение — избрать для своей дебютной постановки стены Ла Скала... — она проверяла его на прочность.

— При всем уважении, синьорина, я искренне верю, что если у человека достаточно амбиций и мужества, чтобы стремиться к цели, возможно все, — проговорил он и изумился, насколько спокойно и уверенно звучал его голос.

Верди показалось, что ей понравился ответ. Еще одна лучезарная улыбка, и Джузеппина элегантно жестом пригласила его к открытому роялю в углу комнаты. Снова немного неуклюже поклонившись, Верди подошел к инструменту. Идеально черный, лоснящийся на солнце корпус, блестящие золотом струны, белые, как будто никогда и никем не тронутые клавиши. Верди сел на резной табурет, поставил на пюпитр партитуру, глубоко вздохнул и начал играть.

Трепетная, как порхание бабочки, мелодия медленно обростала аккордами, становясь все более захватывающей

и объемной. Джузеппина прохаживалась по комнате, все глубже и глубже погружаясь в мир, в который приглашали ее звуки. Что-то новое, необузданное, чарующее и увлекательно непредсказуемое было в путешествии мелодии, которая бурлящим потоком разливалась сейчас по ее дому.

Профессиональное чутье Джузеппину не подводило никогда, она работала с лучшими композиторами своего времени — Доницетти, Беллини, великим Россини. К концу увертюры у нее не было сомнений в том, что эта опера написана рукой гения, способного затмить их всех.

Он играл уже двадцать минут, а партитура все еще оставалась на первой странице. Джузеппина подошла к роялю и увидела, что глаза Верди закрыты. Ему не нужны были нотные листы, он помнил свою оперу наизусть. Музыка меняла ритм, печальные пианиссимо уходили в крещендо, громогласные раскаты аккордов сменялись кокетливыми переливами. Джузеппина разглядывала Верди: его лицо, его движения. Он уже не выглядел неловким или неуверенным. Теперь он был чародеем, вершащим танец звуков.

Благословленные великим талантом мужчины, а таких ей посчастливилось встречать на своем пути в избытке, всегда вызывали у Джузеппины одновременно и почти религиозное желание поклоняться им, как полубогам, спустившимся украсить людской мир, и почти материнское желание оберегать их, как хрупких существ, чересчур остро чувствующих жизненные перипетии. Сейчас,

когда она смотрела на юного, черноволосого, полностью поглощенного своей музыкой композитора, который уже казался ей красавцем, Джузеппину разрывали обе крайности, и это доставляло ей истинное удовольствие.

Дверь приоткрылась, из-за нее появилась голова Саверио. Джузеппина отмахнулась от него, как от назойливой мухи, тот послушно исчез.

Верди играл больше часа. Она и не думала останавливать его. Когда прозвучал последний аккорд, Джузеппина в задумчивости смотрела в окно. Верди открыл глаза, и как по волшебству преобразование его испарилось, оставив на резном черном табурете у рояля лишь неуверенного молодого человека, ждущего приговора. На всякий случай он выпрямил спину и сделал лицо максимально серьезным. Так было бы проще пережить фиаско. Джузеппина выдержала паузу, затем повернулась. Верди неистово пытался прочитать на ее лице хоть что-то, кроме официально-вежливой учтивости, но это ему не удавалось.

— Действительно, впечатляет, — спокойно проговорила она, и интонация выдавала ее восхищение ничуть не больше, чем выражение ее лица. — Соболаговолите оставить партитуру мне. Я полагаю, вы вскоре можете рассчитывать на хорошие новости.

Успех. Вот он. Вот те слова, которых Джузеппе так долго ждал. И сейчас самое важное — с достоинством,

столь чтимым в высшем обществе, его принять. Верди еще больше вытянулся, серьезное выражение лица молодого композитора стало походить на насуспенное.

— Благодарю вас, синьорина Стреппони. Не позволю себе злоупотребить вашим временем ни минуты больше, — проговорил он явно отрепетированным голосом и опять поклонился.

Джузеппине стоило некоторых усилий сдержать улыбку.

— Доброго дня, синьор Верди, — кивнула она.

Чеканя шаг, Джузеппе удалился.

Когда Саверио вернулся в гостиную, Джузеппина все еще стояла у окна. Он подошел сзади и остановился на почтительном расстоянии. Жестом она пригласила его оценить наблюдаемую ею картину.

Легкий снег медленно и густо ложился большими перьями на мостовую, моментально превращаясь в огромные лужи. Прыгая через водяные преграды, Верди бежал к Маргарите, ждавшей его на противоположной стороне улицы. Размахивая руками, он что-то восторженно кричал, а она счастливо улыбалась. Добравшись, наконец, до жены, он подхватил ее на руки и обнял.

— Похоже, что он все-таки счастливо женат, — усмехнулась Джузеппина.

— И, возможно, ему может быть суждено сиять ярче могущественного Россини, — ответил Саверио.

Джузеппина улыбнулась и кивнула в знак согласия.

— Это было восхитительно, — протянула она.

Несколько мгновений Джузеппина пребывала в задумчивости, Саверио терпеливо ждал указаний.

— Ланари? — наконец спросила она.

— Через три четверти часа, синьорина.

— Оставьте меня. Мне нужно немного отдохнуть.

Саверио немедленно удалился. Джузеппина проводила взглядом чету Верди, и когда те скрылись за перекрестком, еще какое-то время смотрела им вслед. Потом она повернулась к роялю и взглянула на оставленную Верди папку. Аккуратные нотные листы были исписаны без единой помарки — ювелирно оформленный чистовик. Верди надеялся, что его попросят оставить партитуру. *«Если бы он так же относился к своему камзолу»*, — подумала она.

Прошло два дня тягостного ожидания, и в квартирку к Джузеппе и Маргарите ворвался Темистокле, громогласно заявив, что Верди ждут на прослушивание в Ла Скала. А еще через день ровно в три часа пополудни пустой зал великого оперного театра Милана разрывало фортиссимо многоголосых аккордов.

Верди впервые в жизни дирижировал симфоническим оркестром, но чувствовал себя так, как будто занимался этим уже пару десятков лет. Совершенно забывшись в звуках, он в состоянии эйфории отдал всего себя рукам, управлявшим игрой музыкантов.

Ему было дано лишь десять минут перед репетицией другой постановки, чтобы показать увертюру к своей опере. Он был уверен, что этого будет достаточно. И не ошибся.

В тени пурпурного балдахина ложи для особо важных гостей Джузеппина Стреппони стояла напротив синьора Бартоломео Мерелли. Это был высокий, статный, очень дорого одетый брюнет лет сорока. Виски, тронутые седью, властная осанка, пронизательные карие глаза, красивое, хитрое, но вызывающее доверие лицо. Весь его облик указывал на то, что синьор Мерелли привык к подчинению окружающих. Джузеппина и Бартоломео смотрели друг на друга, но вниманием их полностью владела музыка. Триумфальные аккорды неожиданно разбились о девичьи нежную песнь флейты. Джузеппина лукаво улыбнулась. Мерелли кивнул и улыбнулся в ответ. Они прекрасно понимали друг друга.

С последним аккордом увертюры Верди выдохнул, открыл глаза и вновь очутился внутри своих страхов. Он попытался найти поддержку в глазах музыкантов, но те, похоже, уже были заняты своими делами по подготовке к репетиции.

— Синьор Верди! — от дверей бокового входа в зрительный зал донесся мягкий басистый голос с легкой хрипотцой.

— Да? — Джузеппе обернулся.

— Бартоломео Мерелли, к вашим услугам, — Мерелли улыбнулся с тем холодным дружелюбием, которое помогает людям высшего сословия подчеркнуть свой статус, не выказав надменности.

— Синьор Мерелли, счастлив знакомству! — Верди потребовались немалые усилия, чтобы унять желание добраться до протянутой у дверей руки бегом.

Импресарио Мерелли слыл самым могущественным человеком мира музыки не только Милана, но и всей Италии. В далеком 1812 году он, двадцатилетним юнцом без гроша за душой, но с грандиозными планами в голове, перебрался из Бергамо в Милан. Из козырей в кармане у него, кроме, разумеется, врожденных предпринимательских талантов, имелась, пожалуй, только дружба с бывшим одноклассником Гаэтано Доницетти, который уже к двадцати пяти годам занял почетное место на оперном олимпе итальянских композиторов.

Какое-то время Мерелли работал театральным агентом, параллельно пытаясь утвердиться в качестве либреттиста. Однако бизнес шел куда лучше, чем продвигались творческие прожекты. Да и увлекать агентская деятельность энергичного Бартоломео, воспринимавшего в жизни почти все, как шахматную партию, стала больше, чем поэтические труды. В двадцать пять лет синьор Мерелли открыл собственное театральное агентство, ставшее через три года одним из самых успешных

в Милане. Тогда же Бартоломео удачно женился на юной дочери знатного графа. Каким образом не имевший ни состояния, ни родословной предприниматель смог организовать себе столь завидную партию, никто не знал. К своим двадцати восьми Мерелли был приглашен на пост одного из руководителей Ла Скала в партнерстве еще с тремя именитыми культурными деятелями столицы оперы. В течение следующих трех лет по причинам опять же никому не известным партнеры один за другим покинули театр, и импресарио Бартоломео Мерелли стал единовластным управляющим великого оперного театра, коим и оставался по сей день вот уже десять лет. Кроме этого, за прошедшие годы он сумел собрать в своем портфеле беспрецедентное количество самых популярных оперных произведений, постановки которых курировал не только в театрах королевств и герцогств тогда еще не объединенной Италии, но и в Вене, Париже и других европейских городах.

Мерелли слыл человеком жестким, беспощадным к врагам, способным на жестокость, однако в подлости никогда замечен не был. Люди, которые работали с ним годами, проявляли на удивление искреннюю преданность ему. Те, кто с ним не срабатывался, шипели тихим презрением. И все же каждый, кто имел хоть какое-то отношение к музыке, не мог не признать, что своим величием Ла Скала обязан именно Бартоломео Мерелли.

Джузеппе сидел в одном из больших кожаных кресел, стоящих перед огромным кабинетным столом, и чувствовал себя крайне неудобно. Кресла эти явно приглашали к дружеской вальяжной беседе, сидеть на них ровно можно было лишь поместившись на краешек, что выглядело бы чересчур услужливой позой. Пока Джузеппе ругал себя, что в преддверии самой важной беседы своей жизни никак не может разобраться с тем, как он сидит, Мерелли за столом напротив него закуривал трубку и не сводил с композитора хитрых глаз. На столе лежала партитура «Оберто», которую Верди оставил Джузеппине.

— Я изучил ваше произведение. Оно заслуживает всяческих похвал, — произнес Мерелли и выдержал паузу.

— Благодарю вас, синьор Мерелли.

— Готовы ли вы вносить изменения согласно рекомендациям театра?

— Безусловно, — Верди почему-то почувствовал себя мышью в лапах кота.

— Ла Скала включает в каждый сезон один благотворительный спектакль. Грядущей осенью таким спектаклем мог бы стать «Оберто».

Мерелли опять сделал паузу, но Верди чувствовал, что никакой реплики от него сейчас не требуется.

— Разумеется, — продолжил импресарио, — в случае радушного приема публикой опера может быть включена в основной репертуар, а я буду счастлив рассмо-

треть возможности дальнейшего сотрудничества с вами.

Верди уже почти открыл рот, чтобы дать ответ, но паузы на этот раз не последовало.

— Имеются ли у вас соображения по поводу состава исполнителей?

— Исчерпывающие, — с удивившей импресарио уверенностью ответил Джузеппе.

Как только первый черновик партитуры был закончен, Верди начал, как он это сам называл, «охоту за голосами». Не пропуская ни одной оперы в Ла Скала, еще в беззаботные холостые годы он примерял каждый тембр, каждую певческую манеру к своим героям, и если артист был выбран, то дома вносил правки в партии, чтобы идеально отшлифовать совместимость. Он прекрасно понимал, что успех в конечном итоге будет практически полностью зависеть от исполнения.

Мерелли поднял бровь, молча открыл партитуру и начал называть имена из пьесы от второстепенных персонажей к главным. Верди без раздумий отвечал именами выбранных артистов.

— Оберто, граф ди Сан-Бонифачо? — список подходил к концу.

— Иньяцио Марини, — последовал ответ Верди.

— Его дочь Леонора?

— Джузеппина Стреппони.

— Ну конечно, — слегка улыбнулся Мерелли и отложил партитуру. Бартоломео Мерелли был на пьедестале музыкального бизнеса благодаря не только железной предпринимательской хватке, но и таланту распознавать идеальное сочетание всех элементов успешного шоу. Он был весьма удивлен, насколько ювелирно сидящий напротив него молодой композитор подобрал состав для своего дебюта.

— Что ж, советую немедленно заручиться поддержкой выбранных вами исполнителей, — продолжил он, — мне потребуется утвержденный состав к концу следующей недели.

— Он у вас будет, — спокойно ответил Верди, но глаза выдавали бушующий у него внутри восторг. Незамеченным для Мерелли это не осталось, импресарио снова улыбнулся:

— Тогда, синьор Верди, не смею дольше вас задерживать, — заключил он.

— Еще раз благодарю вас за предоставленную возможность, — кивнул Джузеппе и посмотрел на властного импресарио с искренней признательностью и восхищением. В ту минуту он и представить себе не мог, насколько неоднозначную роль сыграет в его жизни Бартоломео Мерелли.

Джузеппе, не помня себя от радости, шел по коридору за кулисами театра. Сейчас он выйдет из дверей

служебного входа, как и полагается тому, кто имеет честь работать в Ла Скала. Имеет честь работать в Ла Скала! В голове звенели «не каждый рожден летать» матери и «не все испытания преодолимы» отца. Перед глазами стояли неодобрительные мины членов филармонического общества Буссето и снисходительные в своей жалости надменные лица тех, кто отказался его оперу даже слушать. «Ну что, съели?! Съели?! — мысленно кричал он им всем. — Ла Скала еще будет умолять меня написать для них оперу! Вот увидите! Вы все еще увидите! Это только начало!»

— Ах! Маэстро Верди, добрый вечер!

Завернув за угол, Джузеппе столкнулся с Джузеппиной, выходявшей из дверей гримерки. Если что-то и могло возвести сегодня восторг Верди на новый уровень, так это звезда оперной сцены, назвавшая его «маэстро». То, как Джузеппе покраснелся, было заметно даже под густой черной бородой. В глазах Джузеппины блеснул лукавый огонек.

— Добрый вечер, синьорина, — ответил он, отскочив на подобающее расстояние.

Они продолжили путь к выходу вместе.

— Была ли удачна ваша беседа с синьором Мерелли?

— Спектакль благотворительный, но будет анонсирован уже в следующий сезон! Мне велено немедленно начать подбор певцов и репетиции, — гордо ответил маэстро.

— Я полагаю, этого достаточно, чтобы прибавить вам смелости и амбициозности, — простодушно заметила она.

Он улыбнулся.

— У меня не было случая поблагодарить вас, синьорина. Я рад воспользоваться представившейся возможностью, чтобы сделать это.

— Вам стоит благодарить лишь вашу музыку, синьор Верди.

Они уже подходили к выходу и то ли испугавшись упустить представившуюся возможность, то ли просто не справившись с нахлынувшими чувствами, Джузеппе выпалил:

— Вы согласитесь петь мою Леонору? — прозвучало ребячески и не очень изящно. Верди осекся. Джузеппина остановилась, совершенно открыто по-дружески посмотрела ему в глаза и кивнула. Он улыбнулся в ответ.

— Благодарю, — произнес он уже более светским тоном.

Обогнав Джузеппину на пару шагов, Верди учтиво открыл ей дверь, и она, пожелав ему доброго вечера, отправилась к ждавшему ее экипажу. Какое-то время Джузеппе следил за увозившей будущую солистку его оперы каретой, а потом медленно пошел пешком в сторону дома. Ему бесспорно хотелось побыстрее рассказать все Маргарите, увидеть вновь сияние надежды в ее глазах, прижать ее к груди, почувствовать себя героем, но он намеренно тянул время. Приход домой перелистнет страницу и отправит

вечер, когда он впервые слышал свою музыку в стенах Ла Скала, в прошлое. Он пока не был готов этот момент отпустить. Джузеппе неспешно прогуливался по мощеным тротуарам улиц и переулков, и они пели тихие мелодии в такт его шагам. Ему казалось, уже слышны мотивы новой оперы, которую поставит в великом театре следом за «Оберто».

Однако пока следовало заняться оперой дебютной. Наибольшую сложность маэстро Верди видел в переговорах с именитыми артистами, ведь для своего творения он подобрал более чем звездный состав и теперь был несколько смущен тем, что Мерелли велел ему самостоятельно заручиться их поддержкой. Джузеппе ошибся. Достаточно было лишь упомянуть о том, что Джузеппина Стреппони уже дала свое согласие, как интерес у оппонента рождался моментально. Не прошло и пары недель, и состав исполнителей был подтвержден, причем к глубочайшему удовлетворению композитора, именно тот, который он планировал.

Сложности начались позже. Уже на первом прогоне под фортепиано стало ясно, что требуются доработки. Когда репетиции были развернуты в полном составе, Верди с ужасом обнаружил, что для постановки на большой сцене необходим не один десяток мелких и не очень изменений. Кроме того, масла в огонь все время подливал синьор Мерелли, который с завидной пери-

одичностью вносил свои предложения по правкам. Надо сказать, предложения эти нравились Джузеппе, но одно «цеплялось» за другое и уже казалось, что если окончательный вариант и появится, то только в день премьеры.

Он без остатка погрузился в кипучую деятельность, и вдохновение, подогреваемое страхом провала, уже не оставляло в нем стеснения и неловкости. К черту неопытность! Он видел свою оперу в мельчайших нюансах, от увертюры и интродукции до финальной арии. Он добьется того, чтобы на сцене происходило все именно так, как он задумал. В оперном мире девятнадцатого века импресарио совмещал обязанности и агента, и продюсера, и инвестора, а композитор выполнял роль режиссера-постановщика. Координировать игру шестидесяти четырех музыкантов Верди еще не приходилось, так же как руководить не только вокальным исполнением, но и актерской игрой артистов на сцене. Все это приводило его в восторг и сводило с ума одновременно.

Входящий в творческий раж молчаливый замкнутый Верди, никогда не обучавшийся хорошим манерам, становился грубым громогласным деспотом, рушащим все правила приличия. Такой подход к режиссуре, возможно, и могли бы стерпеть от тонущего в регалиях мэтра, но от молодого провинциального выскочки... И в труппе, и в оркестре начался разлад. Отягощало ситуацию то, что

Джузеппе видел в претензиях артистов и музыкантов скорее нежелание принимать его авторитет, чем объективную реакцию на его поведение.

Ситуацию спасала Джузеппина. Раскрывшийся демонический образ скорее развлекал ее, чем угнетал. Он намного лучше подходил чародею, сидевшему за ее роялем несколько месяцев назад, чем нахмуренному юнцу, вошедшему тогда в ее дверь. Джузеппину совершенно не волновал подход и форма, она смотрела в суть и понимала, что каждое бурное высказывание Джузеппе имеет веские основания. Он слышал то, что не улавливал никто, он видел нюансы, которые все упускали. Как и любая женщина, не забывающая о своей силе и обаянии, Джузеппина обладала способностью ворожить мир там, где назревает война. Ее творческая влюбленность в маэстро сделала ее тем ангелом, который примирял все раздоры.

Верди это видел и понимал, а потому очень скоро проникся к своей солистке обычно не свойственным ему полным доверием. В Ла Скала она была единственной, к кому он мог прийти за советом, не опасаясь показаться глупым и быть осмеянным. Кроме того, маэстро совершенно восхищало знаменитое на всю Италию бархатное сопрано. Когда Верди впервые услышал свою Леонору в исполнении Джузеппины, его накрыла волна будоражащего упоения. Никогда раньше он не встречал, чтобы

чье-то реальное пение звучало ярче, сочнее и объемнее, чем то, что он слышал в своей голове.

В разгар одной из репетиций, когда Верди крайне терпеливо, как ему казалось, объяснял ошибки дирижеру, в зал пожаловал импресарио Мерелли. Обычно на репетиции он не заходил, предпочитая обсуждать все интересные его детали у себя в кабинете. Немало удивившись, Верди был уже готов направиться навстречу руководству, но Мерелли жестом показал ему, чтобы он не отвлекался. Удивившись еще больше, немного смущенный Джузеппе продолжил разговор с дирижером, а Мерелли остался молча стоять у двери, не сводя глаз с Джузеппины, которая обсуждала что-то с партнерами по сцене. Джузеппина почувствовав взгляд, оглянулась и направилась к Мерелли. Конечно, Джузеппе знал, что Милан давно титуловал синьорину Стреппони «наложницей великого импресарио», но сейчас он видел их рядом впервые. С любопытством было справиться сложно, и Джузеппе то и дело поглядывал в сторону парочки у дверей.

Недолгий, поначалу серьезный разговор закончился тем, что Мерелли наклонился к Джузеппине и что-то прошептал, почти касаясь ее уха губами. Джузеппина игриво улыбнулась, и сказанное ею заставило Мерелли улыбнуться в ответ. Верди почувствовал укол ревности. До этого момента прекрасная покровительствовавшая ему дива как будто не имела ничего общего с земными слабо-

стями и принадлежала только ему и Оберто. Видеть ее так откровенно флиртующей с мужчиной Джузеппе было до мурашек неприятно.

С того дня думы о Джузеппине, пусть все они и были исключительно творческого характера, начали вытеснять в голове Джузеппе все, кроме разве что мыслей о грядущей постановке. Он постоянно искал повод для разговора, благо что таковых было в изобилии. Вечерами начинающий композитор все чаще стоял и ждал в конце коридора, когда из дверей гримерки появится его солистка, чтобы проводить диву к выходу из театра и узнать по дороге ее мнение о том или ином волнующем его вопросе. Несмотря на то, что между маэстро и дивой явно зарождалось что-то, чего они оба не хотели замечать, их творческий союз сам по себе был прекрасен. Джузеппина, как никто раньше, чувствовала то, что Джузеппе хотел передать, а несомненно весомый опыт помогал ей давать совершенно незаменимые советы начинающему композитору.

Прошло еще несколько недель репетиций, и в одну из таких, наполненных непринужденной творческой беседой, прогулок к служебному входу Джузеппе сделал шаг вперед, чтобы открыть для синьорины дверь из театра, немного не рассчитал, и они практически столкнулись друг с другом. Ни он, ни она не подались назад. Джузеппе замер с дверной ручкой в ладони. Джузеппина запнулась на полуслове, посмотрела ему прямо в глаза. Она чувство-

вала его дыхание на своем лице. Желание прикоснуться друг к другу отозвалось резкой болью у каждого внутри. Какое-то время они стояли неподвижно, потом она еле заметно покачала головой, говоря ему «нет». Мягкая улыбка тронула губы молодого маэстро. Он кивнул. Оба слишком дорожили тем, что пришлось бы потерять, поддайся они мгновению.

Поздним сентябрьским вечером Джузеппина Стреппони вышла из служебного входа в Ла Скала, где у экипажа ее ожидал секретарь Саверио. Следовавший за ней Джузеппе Верди учтиво поклонился:

— Синьорина Стреппони, доброй ночи, — с холодным почтением проговорил он.

— Всего доброго, маэстро, — с формальной учтивостью ответила она.

Не ожидая ее отъезда, Джузеппе развернулся и направился в сторону дома. Не удостоив Верди взглядом, Джузеппина отправилась к карете. И все же кривые губы Саверио расползлись в хитрой улыбке.

Но если жизнь Джузеппе Верди наполнилась красками творчества и новым общением, то существование его жены скорее еще больше обеднело, чем стало ярче. Премьера, до которой оставалось еще два долгих месяца, была благотворительной, а значит, никаких скорых прибылей не сулила. В несколько не поменявшемся бедственном положении, на которое сверкающий энтузиазмом муж теперь не обра-

щал никакого внимания, Маргарита осталась совершенно одна. Когда Верди возвращался домой, у него не было даже сил разговаривать. Он часто проводил вечера у Солеры, — единственное время, которое оставалось у них на правки. Их жаркие споры будили бы малыша, поэтому Верди всегда уезжал к другу. Пару раз Маргарита даже находила мужа утром спящим на кровати в пальто и сапогах. В те же редкие выходные, которые они могли провести вместе, Джузеппе мыслями был где-то далеко, размышляя лишь о том, что происходило в Ла Скала.

— Жизнь в большом городе безнадежно погребена под хламом бесконечной суеты... Я его почти не вижу, папа. Я всегда чувствовала, что вдохновляю его музыку, а теперь я как будто соперничаю с ней и... проигрываю, — жаловалась она приехавшему в гости синьору Антонио.

Барецци сидел на кресле в гостиной, держа за ручки малыша Ичилио, который радостно наслаждался воображаемой верховой ездой у него на коленях. Синьор Антонио поддерживал игру, стуча каблуками четырехтактный аллюр и бормоча себе под нос какой-то марш. Маргарита наблюдала за каплями дождя, которые тоскливо, словно слезы незаслуженно наказанного дитя, ползли вниз по оконному стеклу.

— Я тебя предупредил. Ты пожелала выйти за него несмотря ни на что, — ответил он, не прерывая игры.

— «Жена гения — это славное, но очень далекое от

легкой жизни звание», — продекламировала Маргарита слова, сказанные когда-то отцом.

— Вот именно! — ответил синьор Антонио и подтолкнул малыша коленями так, что тот подпрыгнул. Ичилио залился звонким смехом, а Барецци продолжил: — Он всегда был одержим желанием занять свое место в этом мире...

Судя по всему, это была фраза Верди, потому что закончили ее отец и дочь хором: «...А не быть беспомощной игрушкой судьбы, как многие другие».

Маргарита посмотрела на синьора Антонио и улыбнулась впервые за долгое время. Она любила быть рядом с отцом. С ним было тепло и уютно, от него пахло домом и детством. Раздался стук входной двери. Джузеппе вернулся из театра.

Барецци не видел своего подопечного уже несколько недель, и ему не терпелось узнать все о начавшихся репетициях и внутренней кухне театра. Маргарита забрала сына и, оставив мужчин наговориться всласть, пошла хлопотать об ужине.

Барецци с отеческим участием задавал бесчисленное количество вопросов, а Верди с гордостью отвечал на каждый из них. Однако, как бы ни был Джузеппе увлечен готовящейся премьерой, он понимал, что даже при самом лучшем сценарии развития событий до аванса на следующую оперу его маленькая семья не дотянет. А это

значило, что очередной унижительный разговор с тестем неизбежен.

— Мне стыдно, что снова беспокою вас этим вопросом, когда вы так много уже на меня потратили. Но... — начал было он, когда наступил подходящий момент, но Барецци его прервал:

— Не говори больше ничего, сынок. Вы получите сколько нужно на следующей неделе.

Барецци всегда соглашался раньше, чем Верди успевал произнести заготовленную речь, пытаясь избавить зятя от лишней неловкости, но это лишь заставляло Джузеппе чувствовать себя еще большим паразитом. Верди вздохнул, кивнул с благодарностью и хотел что-то сказать, но Барецци его перебил.

— Герите знать необязательно. Вернешь мне все, когда сможешь, — угадал он без слов.

— Спасибо, синьор Антонио.

Барецци улыбнулся.

— Разрешение цензуры на премьеру уже получил? — спросил он.

— Три дня бесполезных разговоров, в которых все притворяются, будто получают от процесса удовольствие, и австрийцы милостиво согласились, что моя опера политкорректна.

Дверь приоткрылась и в гостиную заглянула Маргарита:

— Ужин подан, синьоры, — игриво объявила она и снова исчезла.

— Что может быть неполиткорректным в опере? — усмехнулся Барецци.

Верди лишь молча развел руки.

— Риторический вопрос, — покачал головой синьор Антонио. — Давай-ка поедим, а?

Ужин прошел в беседах о репетициях, надеждах и музыке. Все трое давно так хорошо не проводили время.

Через несколько дней в загородном поместье синьора Мерелли давали большой прием. Повод не сообщался, да и никого не интересовал. Представители высшего общества Милана в полном составе наслаждались изысканными деликатесами и свежим воздухом, упражнялись в красноречии и искусстве комплиментов, соревновались в знании сплетен и завидовали нарядам друг друга. Приглашена была и чета Верди. По такому случаю синьор Антонио приобрел для дочери новое платье, сшитое, как ему казалось, на изысканнейший манер. На поверку весь образ был пропитан писком провинциальной моды, но Маргарита, похоже, этого не видела, а Верди, если уже и мог отличить тонкий вкус от мещанской роскоши, виду не подал. В прекрасном настроении Джузеппе и Маргарита Верди отправились на свой первый миланский выход в свет.

День выдался на редкость чудесным. Яркое солнце ласкало успевшую слегка покраснеть листву, наполняя

поляну, сад и парк поместья тем самым осенним волшебством, которое веками вдохновляет художников и поэтов. Поляна была настолько просторной, что в ее центре помещался искусственный пруд идеально круглой формы в обрамлении белого мрамора. В центре пруда располагалась небольшая сцена, к которой вела пара узких мраморных мостиков. Скрипичный квинтет дарил оттуда гостям ноктюрн Моцарта. Углы поляны украшали беседки из того же мрамора, а по периметру были расставлены белоснежные шатры, предлагавшие шикарный фуршет.

Не успел Джузеппе представить Маргариту своему импресарио, как тот предложил ему прогулку по парку, чтобы обсудить дела. Верди ничего не оставалось, кроме как принять это предложение, оставив жену в надежных руках Темистокле. Мерелли показывал Джузеппе диковинные уголки своего сада, оформленные лучшими садоводами Милана, рассказывал о редких растениях и деревьях, которые он собрал в своем парке, и, к великому удивлению Верди, о делах не говорил вообще. Проведя в праздной беседе уже более сорока минут, они медленно спустились по дорожке, обрамленной многоцветием петуний к поляне, на которой и собрались гости. Вид открывался замечательный.

— Скучный опыт участия в подобных мероприятиях, возможно, не дает мне права на комплимент, но я не удержусь. Прием просто восхитителен! — искренне и немного по-детски проговорил Верди.

Мерелли усмехнулся:

— Моя супруга наделена несколькими большими талантами, сильнейший из которых, похоже, организация вечеринок. Был ли у вас шанс подумать о квартете в конце второго акта, который я предложил?

Верди кивнул.

— Солера редактирует либретто в соответствии с изменениями, которые я должен внести. К концу недели мы все уладим, — ответил он.

— Теми — одаренный либреттист и поэт, способный рифмовать что угодно с первого взгляда. Вы — композитор от Бога. Пары дней вам вполне должно хватить, — проговорил Мерелли.

— Значит, хватит пары дней, — не моргнув глазом, согласился Верди.

— Мне видится ваше будущее в Ла Скала весьма успешным, синьор Верди, а я редко ошибаюсь в прогнозах, — улыбнулся Мерелли.

— Я сделаю все возможное, чтобы оправдать ваши ожидания, синьор Мерелли, — отчеканил Джузеппе и запнулся. Ему опять показалось, что он звучит нелепо.

Мерелли никак не отреагировал. Остаток пути до поляны они прошли молча. Темистокле же в это время развлекал Маргариту дружеской беседой и отменным розовым вином.

— Чем заняты твои дни в предпремьерном вихре, моя дорогая? — с хитрым прищуром спросил Солера.

— В основном, мирным одиночеством. Каждый раз, когда в расписании моего мужа находится время для семьи, он обычно спит.

Солера добродушно захохотал. Метрах в двадцати от них на противоположной стороне поляны Джузеппина Стреппони, блистая в великолепном наряде, принимала комплименты от борющихся за ее внимание мужчин. Маргарита смотрела на Джузеппину с искренним восхищением.

— Талантливая, успешная, красивая... Синьорина Стреппони просто сияет счастьем, — произнесла она.

— Счастья у нее не больше, чем у коровы, — отрезал Солера.

— Теми! — опешила Маргарита.

Солера наклонился ближе к Маргарите, принял заговорщический вид и проговорил почти шепотом:

— Она родила как минимум двух внебрачных детей, неужели ты не знала?

— Мерелли? — выдохнула Маргарита и сильно смутилась своей бестактности.

Темистокле лукаво усмехнулся и продолжил:

— Только слухи, конечно. И все же, правила игры, в которую она позволила себя впутать, имеют единственно возможный и совсем невеселый конец.

— Не ты ли всячески давал мне понять, что она чуть ли не так же могущественна, как австрийская герцогиня? — все еще не веря своим ушам, спросила Маргарита.

— Любимая игрушка влиятельного человека способна обрести огромную силу, но как долго это продлится? Она достаточно сообразительна, чтобы делать правильные прогнозы.

Маргарита вновь взглянула на Джузеппину, но восхищения в ее глазах уже не было. Теперь она смотрела на сияющую роскошью красавицу с искренним сочувствием. Маргарите вдруг захотелось приблизиться к ней, почувствовать ее, понять, какая цена заставила ее согласиться на путь, что заведомо вел к пропасти.

Кричаще одетый щеголь в пурпурном костюме, придвинувшись к Джузеппине явно ближе положенного, с плотоядным видом делал ей какие-то предложения. Маргарита видела, как лицо Джузеппины приняло сначала снисходительный вид, потом она рассмеялась с таким добродушием, которое унизило бы самого наглого кавалера, попросила ее извинить и удалилась без тени смущения или оскорбленности. Джузеппина направилась к одной из беседок на краю поляны и явно не искала компании, но любопытство Маргариты победило тактичность, и она решила все-таки подойти.

— Синьорина Стреппони, — проговорила она и приветственно кивнула.

— Синьора Верди, — приветствовала в ответ Джузеппина.

— Мне казалось, мы не были представлены... — удивилась Маргарита.

— Я видела вас с маэстро, — улынулась Джузеппина.

— Джузеппе очень льстит, что вы считаете его достойным этого титула.

— Осталось не много времени до момента, когда весь Милан будет титуловать его именно так, уверяю вас.

— Вы очень добры. Отец так долго был единственным, кто не высмеивал его навязчивую идею стать лучшим миланским композитором, а теперь...

— Ваш отец и вы, как я полагаю.

Маргарита улыбнулась. Она смотрела на Джузеппину, пытаюсь уловить хотя бы малейший знак неблагополучия, и не находила его. Спокойствие и гармония, уверенность и обаяние в каждом жесте, в каждом слове, в каждой интонации.

— Позвольте выразить вам признательность, синьорина. Супругу очень повезло работать с импресарио Мерелли.

Джузеппина посмотрела в сторону фонтана, у которого Мерелли о чем-то беседовал с тем самым щеголем в пурпурном камзоле, что недавно флиртовал с ней.

Импресарио вел разговор в совершенно дружелюбной манере, но щеголь почему-то выглядел как человек, которому угрожают. Эта картина заставила Джузеппину улыбнуться и покачать головой.

— Его называют, — сказала Маргарита, проследив за взглядом Джузеппины, — властелином миланской

музыки, способным вершить судьбу любого музыканта Италии.

Джузеппина усмехнулась и посмотрела на Маргариту.

— Его главная обязанность как генерального инспектора Императорского и Королевского театров — открывать дорогу молодым талантам, — ответила она.

Вечером того же дня генеральный инспектор Императорского и Королевского театров в домашнем халате сидел за небольшим столом из красного дерева в обставленной с идеальным вкусом просторной спальне Джузеппины Стреппони, курил трубку и увлеченно работал с контрактами предстоящего сезона. Полунагая Джузеппина, ничуть не менее прекрасная, чем в пышной обертке дорогих нарядов, отдыхала на шелковых простынях широкой кровати. Перебирая пальцами перламутровые бусины, она в глубокой задумчивости разглядывала браслет из речного жемчуга на своей руке. Мысли Джузеппины были где-то очень, очень далеко.

— Вынужден в который раз признать, что у тебя чрезвычайно пронизательный взгляд, моя дорогая. Я подумываю о контракте с Верди еще на две оперы в следующем сезоне, — проговорил Мерелли, не отрываясь от бумаг.

— Хм... — протянула она. — Он и правда совершенно бесподобен.

Мерелли понимающе усмехнулся, выпустил пару клубов дыма и сделал несколько пометок на документах.

— Говорят, ты опекаешь его как дитя, — проговорил он, читая третий пункт контракта и хмурясь.

— Он неотесанный болван, который может убить свой неокрепший гений манерами придорожного трактира, — ответила она все так же отвлеченно, размышляя о чем-то совершенно другом, — мой долг перед искусством не допустить этого.

Мерелли усмехнулся, все еще пытаясь понять, что его смущает в третьем пункте.

— Твое горло до сих пор болит? — спросил он.

— Мне нужен отдых. Несколько дней перед премьерой. Съезжу к матери, — внимание Джузеппины полностью было сосредоточено на браслете.

— Если желаешь, езжай, — он размашисто вычеркнул несколько строк, — но я лично сопровожу тебя к доктору по возвращении.

Джузеппина перевела взгляд на своего импресарио.

— Бартоломео.

Он поднял голову. В ее глазах читалось приглашение.

— Бросай свою трубку.

Мерелли улыбнулся и приглашение принял.

Через два дня, как и обещал Верди, квартет в конце второго акта был добавлен, и финал действительно зазвучал интереснее. Репетиция прошла на редкость успешно. Заключительная ария Леоноры заслужила искренние овации труппы и музыкантов. В суете сборов по окон-

чании рабочего дня в зал вбежал посыльный и передал Джузеппе записку. Верди пробежал глазами по листку бумаги, и его лицо стало похоже на стальную маску. Слегка дрожащей рукой он свернул листок, положил его в карман и молча вышел из зала.

Три четверти часа спустя Верди стоял перед дверью в свою спальню и не мог решиться войти. Тишина звенела в ушах до боли в висках. Три глубоких вдоха, он медленно нажал на ручку и толкнул дверь. Маргарита неподвижно стояла над колыбелью у эркера. Ее очертания утопали в кроваво-оранжевых лучах заката. Казалось, она лишь изваяние в раме окна. Джузеппе смотрел на жену и не мог заставить себя сделать шаг. Шаг в неминуемое. Шаг в нестерпимое. Шаг в неисправимое.

Стиснув зубы Верди вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Несколько секунд и тишину разорвал горький женский вой. Мучительные рыдания в агонии боли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Зеленовато-серый густой туман лежал на полях вокруг ветхого загородного дома. Косые ставни, неухоженный сад, покосившийся забор. Ни одного здания на мили окрест. По размытой недавними дождями дороге подъехала карета. Извозчик спрыгнул с козел, привычным движением кинул доску к ее выходу и открыл дверцу.

Из экипажа вышла Джузеппина. Недорогой аскетичный дорожный костюм. Волосы забраны в тугий пучок. Браслет из речного жемчуга, с которым она, похоже, не расставалась, был единственным украшением. Узнать в ней оперную диву не смог бы никто. Она скорее походила на школьную учительницу или воспитанную в особой строгости дочь горожанина среднего достатка.

Извозчик поставил рядом с Джузеппиной небольшой саквояж, забрался на козлы и без лишних слов покатил дальше по дороге. Джузеппина смотрела на обвитую вьюнами кованую калитку, на видневшуюся за ней тропинку из поросших сорняками камней, на вход в дом с бронзовым быком на дверном молотке. На душе было тоскливо. Она любила этот дом, любила его обитателей, любила свои воспоминания, которые хранил каждый клочок земли за забором. Видеть, в какой унылой запущенности пребывает сейчас ее родной очаг, было пыткой.

Однако не только это превращало каждый приезд Джузеппины к матери в испытание. Вот и теперь она понимала, что предстоящие два дня будут смешением радости и боли, а возвращение в Милан — очередной маленькой трагедией, которую с каждым разом все сложнее пережить. Набравшись мужества, Джузеппина глубоко вздохнула, подняла саквояж и направилась к входу.

Меньше чем через четверть часа она уже сидела за столом маленькой кухни и ела суп, медленно и без особого аппетита. Комната была обставлена более чем скромно. Мебель, занавески, посуда и прочая утварь явно служили здесь не один десяток лет. Украшениям и ненужным безделушкам внимания тут не уделялось совсем, зато за чистотой пристально следили.

Напротив Джузеппины сидела ее мать. Она смотрела на дочь спокойным, ничего не выражающим взглядом. Прожив чуть больше половины века, синьора Стреппони еще сохранила намеки на ту красоту, которой, должно быть, очаровывала в молодости, но жизненные невзгоды, пережитые за последнюю дюжину лет, пролегли глубокими морщинами на ее лице и сгорбили ее тело.

— Этого должно хватить до конца осени, — взглянула Джузеппина на большой кошелек, лежавший между ними на столе.

Синьора Стреппони едва заметно кивнула. Дверь в столовую со скрипом приоткрылась, в дверном проеме

показалась юная девушка. Одного взгляда на ее прелестное лицо было достаточно, чтобы понять, что она страдает от какого-то душевного расстройства.

— Мари! — воскликнула Джузеппина и радостно улыбнулась.

Мари скорчила гримасу, как-то по-кошачьи отскочила и захлопнула за собой дверь. Джузеппина огорченно взглянула на мать.

— Как она?

— Никто особых изменений не ждет, — безразлично произнесла синьора Стреппони.

За стенкой раздался детский плач. Лицо Джузеппины наполнилось болью, она посмотрела в глаза матери, отчаянно ища в них поддержки.

— Проснулись. Иди к ним, — все так же безразлично проговорила синьора Стреппони.

Джузеппина не двинулась с места.

— Я так устала, мамочка...

Лицо синьоры Стреппони смягчилось, сочувствие и нежность тронули ее черты, но она лишь монотонно повторила:

— Иди к ним.

Джузеппина медленно встала и послушно двинулась к двери.

Отъезд в Милан, как и предрекала себе дива, разрывал ее сердце на части. Стук колес скачущей по бесфор-

менным камням проселочной дороги кареты заглушал плач блистательной звезды итальянской оперы. Рыдания теснили ее грудь, боль сжимала горло. Слезы текли по красному распухшему лицу, и она не пыталась их унять. Дорога длинная. Она еще успеет.

На понедельничную же репетицию «Оберто» синьорина Стреппони явилась отдохнувшей и посвежевшей, как и полагается после выходных за городом. Однако работе, похоже, не было суждено начаться. Темистокле Солера принес в театр страшную новость: в пятницу по полудню, проведя три дня в неожиданно начавшейся горячке, скончался сын Джузеппе Верди, Ичилио.

Музыканты скучали на своих местах в оркестровой яме, труппа понуро сидела на расставленных на сцене стульях. Мерелли маршировал взад и вперед напротив них. Звук его каблуков, нагнетал тишину, как тикающие часы в экзаменационном зале.

— Они потеряли дочь в прошлом августе. Маргарита две недели не вставала с кровати, — проговорил Солера, сидевший на своем привычном месте в первом ряду.

— Дочь? — переспросил кто-то из труппы.

— Вирджиния Мария, — кивнул Солера, — покинула этот мир до своего второго дня рождения. Через месяц после появления на свет Ичилио и за месяц до того, как Джузеппе перевез семью в Милан.

— Как внезапно... — произнесла Джузеппина.

— Меньше четырех недель до премьеры... — задумчиво протянул Мерелли, который все еще ритмично шагал по сцене.

В ответ на это Джузеппина смерила импресарио несколько более осуждающим взглядом, чем должна была бы себе позволить.

— Мое почтение, господа! Примите искренние извинения за опоздание, — раздался всем знакомый голос у бокового входа в зал. В дверях стоял Джузеппе Верди.

Он был бледен, но абсолютно собран. В зале, где находилось больше сорока человек, никто не позволил себе даже пары фраз шепотом. В воцарившейся тишине Верди направился к своему месту.

— Начнем со второго акта, речитатив и ария Оберто, — произнес он.

Кивнув артистам в знак того, чтобы те занимали позиции, Мерелли молча ушел со сцены. Стулья разобрали, музыканты взяли за инструменты. Через десять минут репетиция уже шла полным ходом. Только вот с этого дня маэстро перестал проявлять в работе чрезмерную эмоциональность. Сказать по правде, какие-либо эмоции во время репетиций от него не видели вовсе.

За неделю до премьеры «Оберто» погода в Милане совершенно испортилась. Ноябрьское небо было затянуто облаками, на горожан который день мелкими иголками сыпался редкий противный дождь. Поздним вече-

ром Джузеппина вышла из служебного входа Ла Скала и зябко поежилась. Она уже собиралась принять услужливо протянутую руку Саверио и сесть в карету, когда заметила едва различимого в ночной мгле Верди на другой стороне улицы. Он стоял, прислонившись к каменной стене здания закрытого бара.

Сделав знак Саверио подождать и отмахнувшись от предложения подать ей зонт, Джузеппина направилась к Верди. Лишь подойдя к нему на расстояние вытянутой руки, она увидела, что, бормоча себе под нос какую-то мелодию, он низко наклонил голову и разглядывал свой ботинок, которым отбивал ритм по мостовой. Пальцами руки он барабанил по лбу аккорды в такт этому ритму. Ни дождя, ни того, что он насквозь промок, он не замечал, как не видел и стоявшей перед ним Джузеппины.

Она положила руку ему на плечо. Он вздрогнул и поднял голову. Осторожно, как будто пытаясь не потревожить хрупкий сон дитя, другой рукой она убрала с его лба ладонь, игравшую аккорды. Он сжал ее запястье. Какое-то время они молча смотрели друг на друга, потом он попытался заговорить, но слова задавили слезы. Она провела рукой по его волосам, и сдержаться он уже не мог. Она обняла его, он прижал ее к себе, что было сил. Он плакал у нее на плече как мальчишка, плакал впервые лет с девяти, и часть его невольно удивлялась тому, каким было упое-

нием размякнуть и рыдать навзрыд, давая себе утонуть в собственном горе.

На премьере «Оберто», как и на каждой премьере в звездном Ла Скала, помпезный пурпурно-золотой зрительный зал изо всех сил старался вместить желающих и еле справлялся с этой задачей. Никем не узнаваемый Верди стоял у входа в оркестровую яму и наблюдал за последними приготовлениями к представлению. На верхнем этаже галерки толпились, тесня друг друга плечами, простые горожане. Знатные синьоры и их спутницы чинно занимали места на пяти ярусах балконных лож и в партере. Больше всего Джузеппе волновала одна из лож на третьем этаже. То и дело он бросал взгляды на пока никем не занятые там кресла.

Бартоломео Мерелли с супругой уже сидели в центральной ложе. Джузеппе посмотрел на синьору Мерелли. Шикарная молодая женщина в самом изысканном наряде скучала. Джузеппе показалось, что она уже терпеливо ждет, когда вечер закончится. По левую руку от Мерелли сидела еще одна пара. Молодая дама в экстравагантном наряде, в шляпе с огромным страусиным пером, с надменно поднятым подбородком и вышколенной грацией каждого движения явно принадлежала к высшему сословию. Синьор Мерелли вел себя с ней подчеркнуто почтительно. Компанию даме составлял грузный синьор лет пятидесяти со слишком просто-

душным для аристократического общества лицом, который явно боролся со сном.

Верди вновь взглянул на ложу третьего этажа. Там уже сидели Антонио Барецци и Маргарита. Синьор Антонио приветственно помахал зятю и ободряюще кивнул. Другой рукой он крепко держал ладонь Маргариты, которая была настолько бледна, что казалась прозрачной на фоне утопающего в золоте пурпура. Глаза Джузеппе и Маргариты встретились, и она попыталась улыбнуться. Искренне попыталась, но, видимо, любое проявление эмоций мгновенно рождало лишь слезы, а потому, чтобы не заплакать, ей пришлось отвести взгляд. Верди угрюмо отвернулся и сел на композиторское кресло. Зрители заняли свои места, оркестровая настройка утихла, воцарилась тишина. Верди закрыл глаза.

Джузеппе вдохнул полную грудь воздуха, и голос Джузеппины, проникнув куда-то глубоко внутрь, привел его в благодное забытье. Где-то далеко, на краю сознания проскочила мысль: *«Этот голос — самый прекрасный, что есть на земле»*, и все мысли угасли, не смея более нарушать таинство звуков. Четыре звонких скрипичных аккорда, духовые осторожно вступили легкой мелодией, перебившие их переливами флейты добавили кокетства, и вот они уже все вместе флиртуют с публикой, пока их не прерывает фортиссимо оркестрового тутти. Облако рожденной им музыки окружило

Джузеппе, и он уже не чувствовал ни боли, ни волнения. Увертюра подошла к концу, в свои права вступил хор, он уступил место тенору Рикардо. Мягкий, серебристый тембр певца обласкал зал кабалеттой, и зазвучало сопрано Леоноры.

Два часа продолжалось действие на сцене, и два часа Джузеппе не открывал глаз. Но вот последний аккорд. Занавес. Верди открыл глаза. Его взгляд был обращен не к готовой вынести новичку вердикт публике, он смотрел на Джузеппину. И в то мгновение ему казалось, что она единственный на всем белом свете человек, который понимает, что он сейчас чувствует.

Взрыв оваций разрушил хрупкое волшебство момента. Довольная публика вызывала композитора на поклон. Верди поднялся на сцену. Он смотрел на две тысячи человек, аплодировавших в такт, и понимал, что именно так он представлял себе самую сладкую минуту своей жизни. Заветное желание исполнилось, но никакой радости ему это не приносило. Согласно традиции, Джузеппе занял свое место в центре ряда артистов, выходявших, взявшись за руки, на поклон. В его руке оказалась ладонь Джузеппины. Такая маленькая, хрупкая, теплая ладонь. Два синхронных шага вперед и поклон. Зрители подбадривают единодушной волной восторга. Джузеппе провел большим пальцем по внешней стороне ладони Джузеппины, и та дрогнула в объятии его руки.

Верди посмотрел на Темистокле, который радостно улыбался в первом ряду партера. Они поздравили друг друга взглядами. Бартоломео Мерелли удовлетворенно улыбался рядом со своей все еще скучающей женой. Дама, сидящая рядом с ним, аплодировала труппе с учительским одобрением. Джузеппе перевел взгляд туда, куда боялся смотреть больше всего. Антонио Барецци сиял гордостью и аплодировал стоя. Рядом с ним стояла Маргарита, ее ладони рукоплескали в такт овам залу, ее бледное лицо освещала улыбка, но стеклянный безжизненный взгляд был красноречивей всего остального. Верди опять стало горько.

После каждой успешной премьеры в Ла Скала обязательно устраивался фуршет, на который приглашались не только участники постановки, но и особо важные зрители. Те самые, которые занимали ложи нижнего ряда. И вот сейчас, выпивая вина в честь победы с Темистокле и принимая по ходу поздравления, Верди увидел даму, что сидела во время спектакля рядом с Мерелли в центральной ложе, и спросил всезнающего друга, кто она.

— Графиня Кларина Маффеи, — проговорил Солера и перешел на шепот: — Некоторые говорят, что она близка с самим Мадзини.

Джузеппе посмотрел на друга с искренним изумлением. Темистокле кивнул на грузного синьора, что был в ложе рядом с ней:

— Ее муж буквально кормит сильных мира сего,

австрийцев, золотом, и они предпочитают не обращать внимания на провокационные слухи.

— Невозможно быть связанным с лидером освободительного движения, никоим образом себя не скомпрометировав. Австрийские уши повсюду, — еще больше удивился Верди.

— Хочешь верь мне, хочешь нет, но похоже, что она смогла...

Джузеппе уже открыл рот, чтобы осведомиться, а каким же образом тогда вообще подобная информация добралась до Темистокле, но тот, показывая, что им нужно закрыть тему, взглядом указал на Антонио Барецци, который направлялся к ним, раскрывая свои объятия. Верди улыбнулся и обнял своего покровителя.

— Так горжусь тобой, сынок! — с отеческим пылом проговорил синьор Антонио.

— Ничего из этого не было бы возможно, если бы не ваша помощь. — ответил Джузеппе, и вдруг его взгляд наполнился тревогой. Рядом с синьором Антонио не было Маргариты. Он вопросительно посмотрел на тестя.

— Ей нездоровится, — Барецци понял вопрос без слов. — Я отвезу ее домой. Ты оставайся здесь.

Верди попытался возразить, но Барецци остановил его, не дав заговорить:

— Я позабочусь о Герите. Ты должен остаться. Не волнуйся, делай что нужно.

Барецци похлопал Джузеппе по плечу и стал пробираться через толпу гостей к выходу из зала, сопровождаемый мрачным взглядом своего зятя.

Джузеппе остался, но торжество вызывало у него лишь раздражение. Приняв все поздравления, которые нужно было принять, и поулыбавшись всем господам, которым Мерелли считал нужным улыбнуться, Джузеппе сбежал. Он стоял прислонившись к стене пустого коридора с бокалом вина, опустив голову. Пальцами свободной руки он перебирал по лбу, как по клавишам фортепиано, слушая отголоски праздника по случаю удачной премьеры своей оперы.

Из дверей зала в конце коридора появилась Джузеппина. Она медленно подошла к Верди и встала к стене напротив него. Верди поднял голову. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Это был первый раз, когда они остались наедине после нарушающих все границы ночных объятий у служебного входа в театр. Неловкость и нежность были в ее глазах, благодарность и печаль читались в его.

— Синьор Мерелли оценил успех как «весьма посредственный», — нарушила, наконец, она тишину.

Верди поднял брови в искреннем удивлении. Она усмехнулась.

— И все же он готов подписать контракт на две оперы в будущем сезоне. Вам предлагается согласовать гонорар

в четыре тысячи австрийских лир за каждую, — продолжила она.

— Это больше, чем я позволил бы себе мечтать, — ответил он.

— Отнюдь.

Он улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. И опять молчание затянулось. Больше всего ему сейчас хотелось вновь обнять ее, почувствовать цветочный запах ее волос, забыться в нем, уснуть и спать, спать, спать, одурманенным этим ароматом, до тех пор, пока боль и смертельная усталость не растворятся в этом забвении.

— Издатель Рикорди готов купить партитуру «Оберто» за две тысячи лир, — казалось, Джузеппина сказала это просто, чтобы нарушить тишину.

— Еще одна прекрасная новость, — отстраненно ответил Верди.

— Синьор Мерелли будет настаивать на доле в три четверти. Будьте уверены, половина — более чем разумное предложение.

Джузеппе усмехнулся и кивнул с искренней благодарностью.

— Добро пожаловать в мир музыки Милана, маэстро Верди, — закончила она.

— Благодарю вас, синьорина Стреппони.

Его, как бежавшего от беды путника, хотелось приютить, обогреть и хоть как-то, пусть на время, облегчить

тяготы его дороги. Джузеппина положила бы ладонь ему на щеку и почувствовала пальцами колючие волосы его черной бороды, но мысль о том, какую цену за этот импульс неминуемо заплатят они оба, ее остановила.

— С вашей стороны было бы мудро сейчас вернуться домой к супруге. Саверио вас отвезет, экипаж ждет у выхода, — промолвила она.

Горько усмехнувшись, Джузеппе вновь опустил голову. Джузеппина развернулась и медленно пошла по коридору к залу. Верди остался неподвижным.

На следующий день Джузеппе и Маргарита обедали в полной тишине. Под тяжелым взглядом мужа Маргарита бесцельно перекидывала кусочки куриного рагу с одной стороны тарелки на другую, не сводя глаз с вилки.

— Синьор Мерелли был настолько любезен, что сегодня утром заключил со мной контракт на три оперы, — нарушил тишину Верди таким нежным голосом, на который только был способен.

— Какая волшебная новость! — безучастно проговорила Маргарита, не поднимая глаз.

— Четыре тысячи лир за каждую. Со второй мы вернем долг твоему отцу, а на третьей даже сможем начать откладывать, — не сдавался Джузеппе.

— Это здорово, не так ли? — все тем же манером ответила она, и Верди уже начинал заводиться. — Ты всегда мечтал о...

— Я считал, что у нас совместные мечты, — перебил ее он.

Это было ошибкой. Маргарита вздрогнула, как будто разбуженная резким шумом, и с испугом посмотрела на мужа.

— Да, конечно! Я... — она запнулась. Казалось, она сейчас заплачет. Маргарита резко встала. — Прошу прощения.

Она практически выбежала из комнаты. Дверь за ней захлопнулась. Несколько секунд Верди был похож на застывшую восковую фигуру, а потом нож и вилка из его рук с такой силой полетели на стол, что разбили бокал и тарелку.

Дебютная опера Джузеппе Верди действительно имела весьма посредственный успех и в основную программу следующего сезона не попала. Однако договор с Ла Скала на три оперы все же был подписан, и композитору даже выплатили аванс за первую, написание которой Джузеппе дали полгода. Но ни деньги, ни долгожданная работа не принесли в дом Верди лада.

Зима отплакала своими промозглыми снегопадами. Пришла весна, и уступила место распутившемуся во всей красе лету, а Маргарита так и не смогла вернуться к привычной жизни. Горе как будто вымыло из нее все краски, оставив в доме лишь ее призрак. Почти три месяца Джузеппе, забросив долгожданный заказ Ла Скала, пытался хоть как-то растормошить жену. Они провели месяц в Буссето, где за натянутыми немногословными беседами гуляли по полям, а вечерами собирались всей семьей за ужином и вели наигранно

оптимистичные разговоры. Маргарите легче не становилось, а Джузеппе городишко уже ненавидел. Провинциальные жители видели теперь в нем не предателя, бросившего их ради славы, а большую звезду сцены и гордость родного города, а потому прохода ему не было нигде. Это ужасно утомляло. Утомляли и разговоры родителей о ненадежности артистических взлетов, о старческой немощи, которая уже дышит им в затылок, и об отсутствии плеча, на которое они могли бы опереться.

Джузеппе посадил не проявляющую никакого интереса к происходящему жену в карету и отправился обратно в Милан. За сто километров проселочных дорог с перерывом на обед и пограничный контроль при пересечении государственной границы супруги не обменялись и парой слов, зато Джузеппе услышал несколько весьма затейливых пассажей полутонов и добавочных нот, которые можно было бы использовать в новой опере. Приехав домой, он еще неделю наблюдал за тем, как жена тенью бродит по квартире, а потом принял решение полностью посвятить себя новой работе. Музыка всегда была надежным убежищем в минуты, когда реальность становилась невыносимой. Однако в этот раз все было не так просто.

* * *

Золотые летние лучи наполняли пространство одного из популярных у музыкальной публики кафе ярким светом и

создавали атмосферу, которая явно диссонировала с настроением Барецци и Верди, обедавших за одним из столов. Верди был бледен и измучен. Барецци хмур и сосредоточен.

— Как она? — спросил синьор Антонио.

— Я теряю ее. Я ничего не вижу в ее глазах, даже боль угасла. Она сидит со своей вышивкой так близко ко мне каждый день, и я чувствую, что не могу до нее дотянуться.

Барецци глубоко вздохнул.

— А как у тебя дела?

— А я по контракту пишу комедийную оперу, — без какой-либо радости заметил Верди.

Синьор Антонио покачал головой.

Они пили кофе и молчали. Разговор на отвлеченные темы им обоим был неинтересен, а о единственном, что их действительно волновало, сказать было нечего.

Почему прозорливый Бартоломео Мерелли, зная о тяжелой потере композитора, вручил Верди либретто именно комической мелодрамы, доподлинно не известно. Возможно, на это решение повлияли во многом кокетливый стиль «Оберто», или столь частое сравнение юного гения с великим Россини. Кроме недостаточно убедительных, чтобы претендовать на правду, домыслов историкам ничего не осталось, а потому причины этого поступка импресарио всегда будут за гранью известного.

После обеда с тестем Верди вернулся домой. Репетиции шли уже полным ходом, а во втором акте не было

еще ни одной законченной арии. Ему нужно было поработать.

Джузеппе сидел на скрипучем табурете за спинетом и тусклым взглядом смотрел на стопку пустых нотных листов на пюпитре. Его рука крепко сжимала карандаш, который стоял в начале строки готовый писать. Никогда, даже в период постоянных изнурительных в своей примитивности запросов от филармонического общества, ноты не вели себя с Джузеппе так отвратительно непослушно. Звуки хаотично разбегались кто куда в его голове, словно дети по двору приходской школы, как бы он ни пытался собрать их хоть в какой-то порядок. Всего девять месяцев назад даже радостные визги или залиvistый плач Ичилио не могли нарушить стройный мелодический ряд, который сам вел Джузеппе от тона к полутону. А теперь в звенящей тишине опустевшей от горя квартиры он не мог собрать ни одного аккорда.

Ичилио... Ну зачем он снова о нем вспомнил. Джузеппе стало больно, невидимая клешня печали вновь крепко сдавила горло. Он сердито отбросил карандаш, встал и начал нервно бродить по комнате, что-то напевая себе под нос. Музыка, сейчас нужно полностью уйти в музыку, раствориться без остатка в мельчайшем узелке нот, и кружево начнет плестись само собой.

Он остановился, закрыл глаза, начал легонько постукивать пальцами по лбу. Тон — полутон — тон — тон — тон — тон — полутон... Его лицо озарилось идеей. Он открыл глаза,

подбежал к лежащему на полу карандашу, поднял его, снова сел за инструмент и начал выводить ноты на бумаге. Но нет! Очертания чего-то прекрасного растворились, как паруса в тумане, прежде чем Верди успел записать первый такт. Он в ярости вскочил на ноги, разорвал в клочья нотную бумагу, гневно зарычал и вышел из комнаты.

Джузеппе задыхался. В буквальном смысле и душой. Ему был нужен свежий воздух. Прогулка в парке среди деревьев под щебет пернатых в облаканной летним солнцем сочной листве — вот что ему сейчас нужно.

Проходя по коридору мимо спальни, Джузеппе заглянул в открытую дверь. Маргарита сидела у эркера с двустворчатым окном рядом с колыбелью, которую до сих пор так и не позволила убрать, и вышивала. Клешня сдавило горло сильнее прежнего. Grimаса передернула его лицо, до того было больно глотать. Он знал, что подойди он к ней сейчас, она даже не поднимет головы, односложно ответит на все его вопросы и будет продолжать свое шитье, как это было вчера, и как это будет завтра. Верди глубоко вздохнул и ушел прочь.

Он сидел на скамейке парка, грея лицо в солнечных лучах. На душе начало светлеть. Джузеппе вытащил нотный лист из кармана, положил его на скамейку рядом с собой, взял карандаш и прислушался.

Шаги бегущих детей, стук копыт по брусчатке, скрип колеса, застрявшего в дорожной яме, шелест листвы, плеск фонтана, крик голубей слились в странную, но уже очевидно

слышимую мелодию. Верди закрыл глаза, и к этой мелодии присоединились скрипки. Потом вступило фортепиано, и вот уже рука сама пишет по нотному листу.

Совершенная случайность привела на аллею к скамейке с Верди Джузеппину Стреппони, которая тоже решила провести две-три четверти часа на свежем воздухе. Заметив Верди и подойдя ближе, она улыбнулась его закрытым глазам, его руке, метавшей ноты по листу на скамье, но решила не беспокоить. Несколько мгновений она любовалась работой маэстро, а затем повернулась и продолжила свой путь.

Верди, сам не поняв отчего, вдруг открыл глаза и увидел Джузеппину. Музыка растворилась в шелесте зеленых крон, но его внимание уже было не с ней.

— Синьорина Стреппони! — прокричал он.

Джузеппина остановилась и повернулась к нему с улыбкой. Он бросился к ней.

— Я был уверен, что вы в летнем туре!?

— Всего пара дней перерыва в Милане перед отъездом в Венецию.

— Не будете ли вы против, если я прогуляюсь с вами?

— Извольте.

Джузеппина опять улыбнулась, и он почувствовал, что скучал по этой улыбке. Она всегда придавала ему сил, которых сейчас так отчаянно не хватало. Они медленно шли по алее парка, и Джузеппе нравилось, как шелест ее юбки подпевал ритму их шагов.

— Как продвигается работа над вашей новой оперой, маэстро? — спросила она.

— Боюсь, моя муза не обитает на полях комедии, — не без доли сарказма ответил он.

— Какой же климат ей подходит больше?

— Мне по душе искусство, которое вдохновляет людей, а не развлекает их.

— Как славно сказано. Знаете ли вы, на что хотите вдохновить?

Навстречу Верди и Джузеппине шагал патрульный отряд австрийских офицеров. Джузеппе бросил на них один из тех взглядов, что красноречивей любых слов в мгновение объясняют отношение человека к тому, на что этот взгляд направлен. Это не осталось незамеченным Джузеппиной.

— О, я бесспорно знаю на что, но как... вот это пока для меня загадка.

Синьорина Стреппони лишь молча вздернула бровь, решив, что тему стоит оставить.

— Мне жаль, что я не смогу принять участие в вашей новой постановке, — проговорила она.

Об участии певицы в своей будущей опере маэстро не просил, однако еще до возможной просьбы об этом Джузеппина утвердила свое расписание на грядущую осень таким образом, чтобы положительный ответ ей дать не удалось. Пробившийся сквозь здравый смысл росток взаимного

чувства было бы слишком рискованно питать, и это было очевидно обоим.

— Возможно, это к лучшему, синьорина, — с легкой грустью ответил он.

— Когда назначена дата премьеры?

— На пятое сентября.

В теплой дружеской беседе Верди проводил Джузеппину до ее экипажа и распрощался с ней на долгих два месяца. Раньше октября в насыщенном графике дивы Милан не появлялся.

Джузеппе гулял по улицам города до глубокой ночи. Ему не хотелось домой. Звуки вокруг упрямо рождали только натуральные миноры, некоторые из которых были весьма милы, но все они совсем не годились для комедийной мелодрамы. На душе было тоскливо, в голове мутно, в теле тяжело.

Когда он добрался до дома, Маргарита уже спала. Он медленно прокрался в спальню, сел на краешек своей половины кровати и начал раздеваться ко сну.

— Папа навестил нас сегодня, — произнесла вдруг Маргарита, не открывая глаз. Верди на мгновение замер. Впервые за очень долгое время она сама начала разговор.

— Мне жаль, что я его не застал, — ответил Джузеппе, расстегивая камзол.

— Он предлагает мне перебраться в родные стены Буссето, пока ты полностью занят начавшимися репетициями, — она

все так же лежала, уютно укутавшись в одеяло и не открывая глаз.

— И что ты ответила? — Верди предчувствовал надвигающуюся бурю.

— У меня нет желания ехать без тебя.

— Значит, тебе не следует ехать, — ободрительным тоном ответил он, все еще занимаясь своим туалетом.

— Я хочу, чтобы мы уехали вместе.

— К сожалению, — проговорил он, кряхтя развязывая ботинки, — в данный момент о таком желании не может быть и речи.

Маргарита открыла глаза.

— А когда о моем желании будет идти речь?

Джузеппе повернулся к Маргарите и посмотрел на нее, будучи несколько сбитым с толку. Маргарита села, ее лицо было пугающе спокойно. Когда она заговорила, Верди впервые в жизни услышал стальные нотки в тоне жены:

— Ты желал славы, и мы покинули дом моих родителей через четыре недели после того, как Вирджиния ушла из этого мира.

— Герита...

— Мы жили в этой крошечной сырой норе, где я никого не знала. Ты всегда был в отъезде, и то, что я хочу, никогда не бралось в расчет, — она говорила так медленно, как будто каждое слово было тяжелой гирей, которую ей для самой себя нужно было взвесить.

— Ты несправедлива, Герита... — еще раз неудачно попытался перебить ее Джузеппе.

— Ты оставил меня ради репетиции на следующий день после того, как малыш Ичилио сделал свой последний вздох. Когда наступит очередь моих желаний, Джузеппе?

— Я делаю это ради нас!!! — Верди сам испугался того, как резко и грубо он выкрикнул эти слова.

Маргарита вздрогнула и посмотрела ему прямо в глаза. Это был взгляд того, кто понимает, что есть пропасть, которую он не в силах преодолеть. Молча она забралась обратно под одеяло, отвернулась и закрыла глаза.

— Ты делаешь это вопреки нам, — тихо промолвила она.

Джузеппе был совершенно обескуражен. Его эгоцентричная система ценностей отторгала слова Маргариты как чужеродное тело. Словно избалованному ребенку, ему хотелось броситься к ней в ноги, тянуть ее за подол, кричать, что есть мочи, требовать чтобы его Герита к нему вернулась. Он был готов рыдать, что измучился без ее поддержки, что ему тоже нужно утешение, что он сам уходит все глубже и глубже в болото уныния, и ему как воздух нужны ее плечо и ее улыбка. В конце концов, он тоже любил всем сердцем своих детей! Но он не решился сказать и слова. Вернее, не смог найти стоящих слов. Лучше уснуть и дать утру принести с собой свежие мысли. Верди лег на свою половину кровати и вскоре забылся глубоким тяжелым сном, как будто провалился в черную яму.

В третьем часу ночи Джузеппе проснулся от того, что Маргарита, лежащая рядом с ним в постели, билась в лихорадке. Он резко сел, коснулся ее лба, схватил ее запястье, поцеловал его. Тело жены горело.

— О, нет... нет, нет, нет, нет, нет... — в панике забормотал он. Какая-то часть его до конца не проснувшегося сознания еще надеялась, что он просто видит ночной кошмар.

Дрожа всем телом, Маргарита с щемящей нежностью посмотрела на мужа.

— Мне жаль, Джузеппе. Прости. Я так виновата...

Он смотрел в ее блестящие слезами глаза. Сомнений быть не могло. Она прощалась. Вот он, еще один страшный удар. На мгновение Верди парализовало от ужаса, затем он спрыгнул с постели и истерически начал одеваться.

— Просто подожди немного, Герита. Я приведу тебе доктора! — крикнул он.

Маргарита кивнула и улыбнулась. Полуодетый Верди выбежал из комнаты.